

КРИСТИНА ЮРАШ

СВОДНАЯ
НЕВЕСТА
УКРАДЕННАЯ СУДЬБА

Кристина Юраш

Сводная невеста.

Украденная судьба

<https://litres.ru/74487399>

SelfPub; 2026

Аннотация

У меня украли мою судьбу, чтобы сделать счастливой мою сестру. Семейное зеркало показало мне мужчину, который выберет меня среди всех женщин.

Герцога-дракона, его поцелуй и семь дней счастья.

А на седьмой день исчезнет моя сестра.

Мой сводный брат, генерал Астар, тоже видел это пророчество. И силой заставил меня отказаться от предназначенного мне мужчины. Я понимаю: я сама должна была отступить. Уступить герцога сестре. Изменить судьбу любой ценой.

Почему брат, который всю жизнь называл меня чужой, запирает меня, распоряжается моей жизнью и решает, за кого я выйду замуж? И почему, когда герцог всё равно смотрит на меня, Астар приходит в такую ярость, словно у него отнимают что-то принадлежащее ему?

А потом мой сводный брат объявляет перед всеми:

— Эвелис станет моей женой.

Кажется, у меня украли не только судьбу. Теперь мне предстоит понять, чего на самом деле хочет от меня генерал-дракон, который двадцать один год уверял, что я ему никто.

Кристина Юраш

Сводная невеста.

Украденная судьба

ПРОЛОГ

— Ты расплатилась жизнью моей сестры за один поцелуй и свадьбу с герцогом! Моей сестрой ведь так легко можно пожертвовать ради собственного счастья? Значит, вот как ты решила отплатить моей семье за то, что тебя приютили и вырастили как родную дочь?

Голос моего сводного брата Астара настиг меня раньше, чем я успела отойти от запретной комнаты.

Я вздрогнула и вцепилась в дверную ручку.

Всего мгновение назад она была ледяной. Теперь железо обжигало ладонь — или это меня всё ещё трясло после увиденного.

Коридор тонул в предрассветной темноте. В старом доме спали слуги, за высокими окнами дождь царапал стекло, а портреты давно умерших предков смотрели на меня с тем же молчаливым неодобрением, с каким смотрели всегда. Будто даже нарисованные люди знали: среди них я чужая.

Астар стоял у окна, перекрыв единственный путь к лестнице.

Я не слышала, как он вошёл. Не заметила, как долго он

наблюдал за мной. Просто увидела его высокий силуэт и ша-
рахнулась обратно к двери.

Во всём виновато было фамильное зеркало. Я была уве-
рена, что никто, кроме меня, не видел предназначенного мне
видения. Но я ошиблась. И от этой ошибки по телу пробе-
жала дрожь.

Я вспомнила тот ужас, который видела в зеркале, и почув-
ствовала, как в ногах появляется дрожащая слабость.

Я видела лицо Астара, слишком красивое для той жесто-
кости, которая однажды его исказит. Видела янтарный огонь
в глазах — знак пробудившейся драконьей ярости. Видела
его руку на двери моей комнаты.

И знала, что после исчезновения сестры стану бояться
звука его шагов. И вздрагивать от звука его голоса в кори-
доре.

Горло саднило, словно все слова, которые я кричала в зер-
кале, остались в нём царапинами.

— Ты следил за мной и всё видел? — шёпот поцарапал
моё горло, и мне пришлось прижать к нему свободную ла-
донь.

Астар не ответил сразу. И эта пауза была пугающей.
Он оттолкнулся от подоконника и пошёл ко мне. Медлен-
но. Без единого лишнего движения.

После смерти отца он перенял эту его манеру: не спешить,
потому что всё вокруг и так обязано ждать.

Только отец никогда не заставлял меня мечтать о бегстве

или смерти.

— Да. Или ты думаешь, в эту комнату ведёт только одна дверь — та, которую ты закрыла дрожащими руками, как только вошла? — насмешливо спросил он. — В этом доме много потайных дверей. И комнат, о которых ты не знаешь.

На Астаре ещё был мундир, мокрый на плечах. Чёрная ткань облегла широкую грудь, на высоком воротнике тускло поблёскивала серебряная застёжка с гербом нашего дома — дракон, сомкнувший крылья вокруг башни.

Я смотрела на золотые генеральские эполеты. Алые волосы он стянул на затылке, но одна прядь упала на лоб. Брат выглядел уставшим, злым и пугающе красивым.

Таким мужчинам не отказывают. Перед такими мужчинами оправдываются ещё до того, как услышат обвинение.

Я знала это с детства. Астар был единственным, кто меня не принял. Кормилица рассказывала, что ему было двенадцать, когда отец принёс меня в дом. Уже тогда он заявил, что у него есть только одна сестра — Астрея. Родители ругали его, убеждали, наказывали, но он так и не передумал.

Сама я впервые услышала это в семь лет. Я замерла за дверью отцовского кабинета, когда до меня донёсся голос Астара: «Она не моя сестра! И не заставляйте меня любить её! Я сам решу, кого буду любить. А она пусть ко мне даже не подходит!» Я не успела отойти, как дверь распахнулась.

Девятнадцатилетний Астар посмотрел на меня сверху вниз. «Что? Подслушивала? Уши развесила? Вражеская

шпионка. Уйди с дороги».

Я помню, как отошла в сторону, глядя на спину «брата». Мама утешала меня, отец убеждал, что однажды всё изменится.

Но ничего не изменилось.

Только теперь зеркало показало мне, во что однажды превратится его ненависть.

Глава 1

Линия его губ искривилась, а я вспомнила будущее, которое ещё не случилось. Чудовище, которое смотрело на меня сверху вниз, пока я корчилась на полу.

Я заставила пальцы разжаться. На ладони остался красный след от дверной ручки, а в голосе всё равно не появилось той твёрдости, на которую я так надеялась.

— Ты не имел права подсматривать за ритуалом. В комнату судьбы входят поодиночке, — выговорила я, пряча ладонь в складках ночной сорочки.

Астар остановился на расстоянии шага и посмотрел на движение моей руки, будто я спрятала не красный след, а доказательство вины.

— Имел, — хрипло отрезал он, не повысив голоса.

Одно короткое слово упало между нами, как перевёрнутый его рукой стол.

Память о видении из зеркала едва не заставила меня отскочить.

Я помнила этот грохот, ярость в глазах брата, помнила,

как дрожало в груди моё сердце. Всё происходило с моим отражением, но я чувствовала это так, словно переживала наяву.

Когда-то он казался мне просто высоким. Теперь я понимала: дело не в росте. Он умел занимать собой всё пространство, оставляя другим лишь тот клочок, который считал нужным. Вот и сейчас между моей спиной и запертой дверью оставалось меньше ладони, а весь остальной коридор принадлежал ему.

Астар коснулся отцовского перстня на правой руке. Обычно он делал это перед тем, как огласить решение, которое уже никому не позволялось оспорить.

— После смерти отца и матушки я глава семьи, — напомнил он, поворачивая перстень камнем наружу. — Поэтому у меня было право увидеть, как ты выбрала семь дней счастья и расплатилась за них жизнью моей сестры, неблагодарная...

Обвинение ударило сильнее, потому что часть меня уже произнесла его сама. И всё-таки я вскинула голову, находя в себе мужество сказать правду.

— Я ничего не выбирала. Это было видение, Астар. Только возможное будущее. Возможное... — Последнее слово прозвучало слабее остальных, и я возненавидела себя за эту слабость.

Он медленно провёл большим пальцем по грани перстня. Глаза оставались холодными, но в голосе проступило то, чего не показывало лицо.

— И что? Хочешь сказать, что ты решила его взять и изменить? Отказаться от герцога? Думаешь, я не видел твоего лица, когда в видении герцог целовал тебя? — Астар произнёс «целовал» так, что мне захотелось спрятать лицо в руках. — Да ты просто поплыла... А потом коснулась рукой своих губ. Хочешь сказать, что ты готова отказаться от всего этого ради жизни Астреи?

Я застыла.

Не от страха. От стыда.

Зеркало нашего дома никогда не показывало будущее так подробно.

Матушка рассказывала, что в двадцать один год увидела в серебряном стекле кольцо, троих детей, письмо с чёрной печатью и надгробие. Всю жизнь она разгадывала эти знаки. Кольцом оказался брак с отцом, детьми — Астар, Астрея и я. Чёрная печать принесла известие о гибели отца. Под тем надгробием матушка легла сама, когда смерть любимого мужа подкосила её здоровье.

И тогда брат стал главой семьи.

Он никогда не дарил мне подарки, за столом делал вид, что меня не существует. Пока сестра купалась в новых платьях и украшениях, я донашивала и перешивала то, что осталось у меня со дня смерти матери.

Сегодня двадцать один год исполнился мне. Не было ни праздника, ни поздравлений. Только Астрея подарила мне платье, умоляя не говорить об этом брату.

А потом был обычный ужин, во время которого я молчала, стараясь занимать как можно меньше места в доме, который со смертью родителей стал для меня чужим.

В детстве я пыталась подружиться с Астаром. Я помню, как вышила ему красивый платочек: “Любимому брату” и подарила его на день рождения. Как он брезгливо взял его двумя пальцами, а потом бросил на пол, сказав, что мои подарки ему не нужны. Как мама пыталась заступиться, как сама подняла платок. Как ругался отец, требуя, чтобы Астар передо мной извинился. Но он просто вышел из комнаты и закрыл дверь.

Попыток было много, но чем старше становилась, тем больше понимала, что это бесполезно. Я замолкала в его присутствии, никогда не заговаривала с ним, старалась выйти из комнаты, когда он входил в неё.

«Астар... милый... Помни, что у тебя две сестры!» — шептала едва слышным голосом умирающая мама, когда доктора возле её постели опустили головы, признавая своё бессилие.

«У меня одна сестра!» — услышала я его ответ.

Как только маму похоронили, я поняла, что в этом доме мне больше не рады.

И всё же именно чужое фамильное зеркало открыло мне судьбу, которую Астар решил отнять.

Глава 2

Если честно, то я ни на что не рассчитывала. Я вошла в

ритуальную комнату почти из любопытства.

Фамильное зеркало отвечало только тем, в ком текла кровь рода. А во мне её не было ни капли, поэтому я не ждала чуда. Не думала, что чужой фамильный артефакт расскажет мне мою судьбу. Я просто соблюдала традицию, сложившуюся задолго до моего появления.

Отец нашёл меня младенцем на развалинах сожжённого поместья во время Лерсейской военной кампании. Просто плачущий младенец, брошенный невесть кем, лежал среди мертвых тел.

Ни медальона, ни герба на пелёнках, ни записки — ничего, что подарило бы мне прошлое. Он привёз меня домой вместе с пробитым доспехом и знаменем побеждённого врага, положил свёрток на руки жене и сказал: «Она осталась там одна».

Матушка приняла меня. Кормилица рассказывала, что она всю ночь плакала над моей колыбелью и повторяла: «Война забрала у тебя всё. Я не стану врать, что родила тебя. Но однажды ты узнаешь свою историю и всё равно назовёшь меня мамой».

Так и случилось.

Они дали мне имя, дом и семью. Любили не меньше, чем собственных детей. И всё-таки перед зеркалом я была уверена, что гладкая поверхность останется тёмной. Что магия чужого рода не отзовётся мне.

Но едва я переступила порог, она вспыхнула.

Не символами, как принято, а картинкой. Живой, настоящей.

Я увидела сегодняшние смотрины. Белую гостиную, десятки свечей, Астрею в жемчугах и герцога Гидеона Эдгардейна, приехавшего выбрать одну из нас в жёны. Увидела, как он прошёл мимо сестры, хотя она была ослепительно хороша, и остановился передо мной.

«Вот эту», — сказал он так, будто узнал меня.

Астрея с трудом удержала улыбку до конца вечера. Поздравила меня первой. Обняла, поцеловала в щёку и заперлась в своей комнате.

А потом я услышала её плач. Она плакала так, словно у неё разрывалось сердце.

Я должна была думать о ней. Должна была броситься к двери, стучать, убеждать, что брат найдёт для неё ещё более выгодную партию. Я должна была остаться с ней, утешать, обнимать, дать ей выговориться. Вместо этого стояла в зимнем саду рядом с герцогом и чувствовала, как его большой палец гладит моё запястье над перчаткой.

Семь дней зеркало отмерило мне на счастье.

Семь проклятых, прекрасных дней.

Герцог приезжал каждое утро. Мы гуляли по мокрым дорожкам, говорили обо всём и ни о чём. Он смотрел на меня так, словно среди сотен женщин впервые увидел одну-единственную. На пятый день застегнул на моём платье брошь — золотое крыло, осыпанное крошечными рубинами. На ше-

стой поцеловал меня в беседке.

Я и сейчас помнила этот поцелуй, словно он действительно коснулся моих губ.

Помнила его всем телом. Тепло его ладони на талии. Запах дождя и горького миндаля. Собственное сердце, которое билось так счастливо, будто наконец нашло дорогу домой.

На седьмой день Астрея исчезла.

Бесследно. Без записки. Без предупреждения.

Сестру искали.

День. Неделю. Месяц.

Астар поднял стражу, армию, перекрыл тракты, распорядился поставить пограничные заставы, а потом сам уехал на поиски. Дом опустел. Помолвочные цветы сгнили в вазах.

“Никакой свадьбы, пока я не разыщу Астрею! Живой или мертвой!”, - произнес брат. И это был приказ главы семьи.

Слуги гасили свечи, едва я входила в комнату, словно свет предназначался только для настоящих детей этого дома.

Астар искал дольше всех.

Потом вернулся без сестры.

Зеркало показало мне его на той же лестнице, у тех же портретов. Только на лице брата не осталось ничего человеческого. В тот день он посмотрел на меня так, будто всё-таки нашёл виновную.

Глава 3

Всё, что было дальше, я хотела забыть ещё до того, как досмотрела до конца.

Поэтому сейчас, когда настоящий Астар протянул ко мне руку, я ударилась плечом о дверь, лишь бы не позволить ему прикоснуться ко мне.

Он остановился.

В его лице ничего не изменилось. Только зрачки сузились в тонкие чёрные щели. Это выдавало дракона сильнее, чем рык или пламя: зверю не понравилось, что я отшатнулась.

Астар опустил руку не сразу. Сначала посмотрел на собственные пальцы, а после перевёл взгляд на моё лицо.

— Вот, значит, как выглядит твоя благодарность семье, которая дала тебе всё, — произнёс брат. Он не спрашивал — запоминал мою реакцию как новую слабость, с которой ещё не решил, что делать.

Это прозвучало не вопросом, и я не стала утешать его ложью. Перед глазами ещё стояло чудовище из зеркала. Бессердечное в своей жестокости.

— Я видела, каким ты станешь. Если подсматривал, ты тоже это видел, — напомнила я и почувствовала, как лопатки снова упёрлись в дверь.

Уголок его рта дрогнул, но улыбки не получилось. Он приблизился на полшага, вернув меня в тень запретной двери.

— Если Астрея исчезнет, тебе следует бояться не того, каким я стану. Бойся того, что я с тобой сделаю, — предупредил Астар почти ласково, и от этой мягкости угроза показалась уже свершившейся.

Холод прошёл по спине.

Вот он. Тот мужчина из зеркала. Пока ещё не потерявший сестру, пока ещё смотревший на меня, как на лишнюю в этом доме, но уже способный пообещать расправу так спокойно, что у меня колени подогнулись.

Я прижала ладонь к груди, пытаюсь удержать сердце, которое било в рёбра слишком громко.

— Но я не причиняла ей зла. Даже в видении, — слова торопились, пока он не успел снова объявить меня виновной. — Да, на смотрах герцог выбрал меня, но это не делает меня виноватой в чувствах сестры. Это был его выбор.

Последние слова дали мне короткое ощущение правоты.

Я уцепилась за него, выпрямилась и почти сумела убедить себя, что Астар отступит. Но его лицо стало только спокойнее. Так он выглядел, когда находил в чужой защите брешь.

— А твоим выбором было наплевать на её чувства. — Брат наклонил голову, разглядывая меня с холодным любопытством. Однако пальцы, которыми он только что хотел прикоснуться ко мне, медленно сжались. — Ты слышала, как она плачет. Видела, что будет после её исчезновения. Видела, как я схожу с ума, потому что не сумел её найти. И всё равно досмотрела семь дней. Особенно внимательно — беседку.

Опять беседка!

Щёки обожгло смущением. Я уставилась на серебряную застёжку его мундира, лишь бы не вспоминать поцелуи.

— Я не могла прервать ритуал. Дверь не открывалась, по-

ка зеркало не показало всё до конца. Все, что я должна была знать, — возразила я, но даже собственным ушам это объяснение показалось оправданием.

Астар подался ко мне так резко, что мокрая прядь коснулась моего виска. От него пахло дождём, кожей перчаток и ночной дорогой.

— А я говорю не о двери, — выдохнул он мне в лицо, не оставив между нами места даже для спасительной лжи.

Его пальцы скользнули по моей щеке, собирая горячую слезу. От почти нежного движения стало страшнее, чем от угрозы.

— Ты могла отвернуться. Зажмуриться, — Астар растёр мою слезу между пальцами, словно уничтожал последнее доказательство слабости. — Но тебе понравилось то, что ты увидела.

Я хотела солгать.

Перед Астаром вообще часто хотелось лгать — не потому, что он не замечал, а потому, что правда в его руках слишком быстро превращалась в оружие.

И всё-таки я подняла глаза.

— Да. Мне понравился герцог. И что с того? — призналась я и не отвела взгляда, хотя признание отдало меня ему безоружной.

Его палец замер у моего подбородка.

На одно безумное мгновение в его взгляде мелькнуло что-то не похожее ни на гнев, ни на презрение. Что-то тёмное,

голодное — и слишком личное.

Глава 4

Затем он надавил большим пальцем мне под подбородок, вынуждая запрокинуть голову ещё выше.

— Значит, тебе понравился герцог? — потребовал Астар.

Большой палец чувствовал каждый мой невольный глоток и не позволял спрятать его.

Я увидела в зеркале не мужчину, а жизнь, в которой меня выбирали. Разница казалась огромной, но под его взглядом объяснить её было почти невозможно.

— Я видела рядом с ним себя. Счастливую, — ответила я наконец и почувствовала, как его пальцы стали горячее. — Я имею право на счастье!

Жар под его ладонью нарастал. Астар мог бы отпустить меня, но вместо этого чуть сильнее приподнял подбородок, заставляя смотреть только на него.

Моё будущее счастье он уже превратил в признание вины — и собирался вытянуть его до конца.

— Я спросил не о твоём счастье. — Астар произнёс эти слова медленнее, чем требовалось.

Его рука всё ещё удерживала моё лицо. Я чувствовала под подбородком жар большого пальца и не понимала, почему не отстраняюсь.

— А я не знаю, что ещё тебе ответить, — прошептала я, сглатывая.

Его взгляд опустился на мои губы, словно ожидая продол-

жения. Но я лишь плотнее сжала губы и почти перестала дышать.

Он это сразу заметил и отступил ровно на полшага — недостаточно, чтобы меня отпустить, но достаточно, чтобы снова стать главой семьи, а не мужчиной, прижавшим меня к запертой двери среди ночи.

— Моя сестра любит его, — отчеканил он, словно предыдущего мгновения не было. — Не семь дней в зеркале, не красивый поцелуй. Она любит герцога уже несколько лет. И я не позволю тебе встать у неё на пути!

Я вспомнила, как сестра плакала за закрытой дверью, пока я в своём видении прижимала пальцы к губам и улыбалась. Признание вырвалось само.

— Я не знала, — произнесла я и впервые за весь разговор опустила голову не из страха перед ним, а от стыда перед Астреей.

Астар скользнул взглядом по моему лицу, будто искал там раскаяние и находил слишком мало.

— Потому что никогда не спрашивала, — напомнил он. Ни злости, ни торжества в голосе не осталось, и именно поэтому упрёк вошёл глубже. — Она была обещана ему с момента рождения. По договору. Но поскольку в доме две девушки, семья обязана предоставить герцогу выбор между сестрами. Хотя ты никакая ей не сестра. Ты для нас чужая.

Глава 5

Мне захотелось защищаться, хотя защищать было нечего.

Я действительно не замечала ни того, как Астрей оживлялась при имени герцога, ни того, почему она так тщательно выбирала платье к смотринам.

— Она могла мне сказать, — пробормотала я, цепляясь за последнее оправдание.

Астар прикрыл глаза на мгновение. На его лице мелькнула усталость человека, которому приходится объяснять очевидное, но я слишком хорошо его знала: он ненавидит меня с самого детства.

— Могла. Но не стала. Это - ее тайна. Так что ты сама видела, что будет, если герцог выберет тебя.

Астар ответил на ту боль, которую я пыталась спрятать за оправданием. И ударил точнее, чем если бы снова назвал меня виновной.

Желудок сжался. Я почувствовала во рту горечь и отвернулась, но его ладонь легла на дверь рядом с моей головой, не позволяя спрятать лицо от его взгляда.

Он всегда знал, куда бить. Словом, взглядом, молчанием. И никогда не тратил силу впустую.

— Тебя нашли неизвестно где, — продолжил Астар всё тем же негромким голосом. — Может быть, ты дочь погибшей дворянки. Может быть, кухарки. Отец принёс тебя в этот дом, матушка дала тебе своё имя, титул и приданое. Астрей делила с тобой игрушки, учителей, платья — всё, что принадлежало ей по крови. А теперь ты готова забрать у неё ещё и мужчину, которого она любит, зная, что цена этого —

её жизнь!

Я заставила себя посмотреть ему в глаза, хотя передо мной расплывалось золотое зарево драконьих зрачков.

— Не смей говорить обо мне так, будто я всё это укра-
ла, — потребовала я, сжимая кулаки, чтобы он не увидел,
как дрожат пальцы. — Герцог сам выбрал меня. Ответствен-
ность за выбор лежит на нём!

Астар не отступил. Напротив, опустил вторую ладонь мне
на плечо и окончательно развернул к портрету над лестни-
цей.

— Тогда докажи, что не украла, — произнёс он у меня за
спиной. Пальцы прижали меня к месту, не позволив отвер-
нуться от тех, перед кем я действительно чувствовала себя
обязанной. — Она пропала из-за того, что не смогла это пе-
режить!

Я смотрела на портрет родителей.

Отец был изображён в генеральском мундире, его рука ле-
жала на спинке кресла матушки. Художник смягчил суровую
складку между его бровей и не сумел поймать её улыбку. Я
помнила их иначе: отца — смеющимся, когда я выбегала в
комнату; матушку — сонную, в накинутой поверх сорочки
шали, когда она пришла успокоить меня после ночного кош-
мара.

Они не делили нас на родных и неродную. Их любви хва-
тало на всех.

И если зеркало сказало правду, я могла погубить всё, что

они любили. Семью, которую они так берегли.

Мне пришлось сглотнуть дважды, прежде чем горло позволило произнести решение.

— Я... я уступлю ей герцога, — выдохнула я, глядя в нарисованные глаза матушки.

Глава 6

Пальцы Астара на моих плечах напряглись. Он словно ждал этих слов и всё равно оказался к ним не готов.

Слеза прокатилась по моей щеке, а внутри все сжалось от боли. “Уступить свое счастье другой”, — пронеслась в голове мысль. — “Лишиться его навсегда...”. Я вдруг почувствовала пустоту внутри, словно Астар заставил меня вырвать кусок души и протянуть ему.

— Уступишь — это про вещь, которую ты уже держишь в руках. А он ещё ничего тебе не предложил, — холодно поправил он, требуя от меня не красивой жертвы, а точного обещания.

Отказаться от неслучившегося счастья оказалось больно и страшно почти так же, как потерять настоящее. Но я всё-таки заставила себя произнести:

— Сделаю всё, чтобы он выбрал Астрею. — На последнем слове голос дрогнул, и Астар услышал эту дрожь.

Ответ должен был его удовлетворить. Но брат развернул меня к себе слишком резко.

Драконья кровь проснулась в нём раньше, чем разум успел остановить тело. Пальцы сдавили мою руку выше лок-

тя. Под кожей его ладони полыхнул жар — короткий, обжигающий.

Я охнула.

Астар ослабил хватку, но не отпустил. В янтарных глазах разгорались тонкие золотые прожилки. Так выглядел огонь, запертый под стеклом.

— Думаешь, мои слезы заставят меня поверить в твою жертву? О, нет. Ты спишь и видишь, как сбежать из этого дома, — процедил он, всматриваясь в моё лицо.

Я попыталась высвободить руку, однако его пальцы сомкнулись снова. Не до боли — ровно настолько, чтобы напомнить, чья сила здесь решает все.

— Я уже согласилась отдать его сестре. Что ещё тебе нужно? — вырвалось у меня. Унижение начинало вытеснять вину.

Астар посмотрел на мои мокрые ресницы. Взгляд стал жёстче, будто мои слёзы оскорбляли его лично.

— Перестань оплакивать герцога так, словно у тебя отнимают любимого мужа, — потребовал он, и в этих словах было слишком много злости.

Обида вспыхнула быстрее страха. Я отдавала Астрее не только герцога — я отказывалась от единственной увиденной жизни, в которой была желанной и счастливой. А Астар хотел забрать у меня даже право почувствовать потерю.

— Я оплакиваю жизнь, которой не будет. Счастье, которое не испытаю, — я больше не пыталась скрыть дрожь в го-

лосе. Пусть видит, чего от меня потребовал. — Ты можешь заставить меня уступить, но не имеешь права запрещать мне сожалеть.

Его пальцы двинулись выше по руке, сминая тонкий рукав ночной сорочки.

— После того, что показало зеркало, я имею право на всё, что спасёт жизнь моей сестры, — произнёс Астар, и ткань жалобно треснула под его рукой.

Я дёрнулась сильнее, и разорванная ткань впилась в кожу.

— Отпусти меня, — потребовала я, но голос сорвался, когда он посмотрел на обнажившееся плечо. — Я имею право на чувства! Я сделаю всё, чтобы спасти сестру! Я тоже люблю её!

Астар наклонился, наблюдая, как я безуспешно борюсь с его рукой. Его дыхание коснулось лица раньше слов.

— Не ори. Тон потише. Я отпущу, когда поверю, что через четыре часа ты не передумаешь, — пообещал он так, будто возможность распоряжаться моей рукой уже принадлежала ему.

Он был прав. До смотрин оставалось четыре часа. Всего четыре — и герцог вот-вот войдёт в нашу белую гостиную, посмотрит на нас с сестрой и почему-то выберет меня.

Я перестала вырываться. Нужно было найти простой и безотказный способ разрушить увиденное будущее.

— Я не стану улыбаться. Буду сидеть тихо и опускать глаза. Он даже не запомнит, как я выгляжу, — предложила я,

ещё надеясь, что добровольная покорность заставит Астара ослабить пальцы.

Вместо этого большой палец Астара медленно прошёлся по внутренней стороне моего локтя, там, где бешено бился пульс.

— Скромные девушки иногда волнуют мужчин сильнее тех, кто улыбается открыто, — заметил он, не отрывая взгляда от моей шеи. — Они заставляют задуматься, какими станут, если забыть о скромности.

У меня пересохло во рту.

Я вытащила из памяти самое нелепое платье, которое висело в глубине шкафа: горчичное, с блеклыми лентами и оборками, превращавшими даже тонкую талию в бесформенный мешок.

— Тогда надену наряд, в котором матушкина кузина решила, что я заболела желтухой, — выпалила я и наконец заметила, как дрогнул уголок его рта.

Астар впервые за весь разговор почти улыбнулся. Не мне — моей наивности.

— Когда мужчина видит красивую женщину в ужасном платье, он думает не о платье, — бросил он, а его взгляд заставил меня насторожиться сильнее.

Мне следовало промолчать. Но его взгляд уже скользнул по шее к вырезу ночной сорочки.

— А о чём? — спросила я раньше, чем успела прикусить язык.

Он не коснулся меня. Ему это было не нужно. Медленный взгляд прошёл ниже — по груди, талии, бёдрам — и вернулся к лицу.

— О том, как быстро оно окажется на полу, — ответил Астар, не улыбаясь, и именно серьёзность превратила непристойность в признание.

Глава 7

Жар поднялся от груди до щёк. Я отшатнулась, но дверь не позволила увеличить расстояние между нами.

— Ты... ты... отвратителен, — выдохнула я, закрывая ладонью вырез сорочки.

Вместо того чтобы устыдиться, Астар задержал взгляд на моих пальцах. Мне почудилось, что он доволен. Даже моё возмущение он умудрился обратить в свою победу.

Я знала этот взгляд. Так Астар смотрел на женщин, которых собирался сломать: сначала заставлял их почувствовать себя желанными, а потом наслаждался тем, как надежда сменяется унижением. Значит, и сейчас он просто выбрал привычное оружие — решил заставить меня смутиться, чтобы легче было подчинить.

— Зато ты наконец поняла, почему уродливое платье тебя не спасёт. — Астар произнёс это с сухим удовлетворением человека, выигравшего спор.

Я прижала ладонь к груди ещё плотнее.

Между нами повисла короткая, почти непристойная тишина. Астар перевёл взгляд с прикрытого выреза на моё ли-

цо и медленно разжал пальцы. Отпустил не потому, что я потребовала, а потому, что сам решил закончить прикосновение.

— Будут ещё варианты? — Астар провёл языком по внутренней стороне щеки. Так он удерживал дракона.

На моей коже проступили следы его пальцев. Астар посмотрел на них без раскаяния.

Теперь я не была уверена, что хочу знать, что было дальше там, в видении.

Я растёрла ноющую руку и ухватила за последнюю возможность.

— Если герцог всё-таки выберет меня, я откажу ему публично. При всех, — решила я. — После такого он сам не захочет слышать моё имя. Этого будет более чем достаточно, чтобы он выбрал Астрею!

Астар опёрся ладонью о дверь возле моей головы, отрезая даже возможность отвернуться.

— Какая ты наивная. Отказ не останавливает мужчину, если женщина ему нужна. Он превращает её в крепость. — Голос Астара стал ниже. — А крепости существуют для того, чтобы их брать. Герцог — дракон. И рассуждает он примерно так же, как я. Драконов отказ не пугает.

В его голосе не было сомнений. Только опыт мужчины, который привык получать желаемое. Я почувствовала его как ещё одно прикосновение и зло усмехнулась, защищаясь от собственной реакции.

— Не все драконы думают, как ты! Ты — генерал! Это для тебя женщины — крепости, которые нужно брать штурмом. Герцог может оказаться ... порядочным, — возразила я и сразу поняла, что сказала лишнее.

В янтарных глазах появилось мрачное веселье. Астар любил сопротивление не меньше, чем победу: без него ему нечего было ломать, нечего превращать в добровольное согласие. Он приблизился ещё на полшага, и холодная дверная ручка врезалась мне в спину.

— Дракон? Порядочный? Ха! Ты слишком плохо знаешь драконью натуру. — Астар чуть склонился, принимая вызов.

Я упёрлась ладонью ему в грудь. Под мокрой тканью мундира мышцы были горячими и твёрдыми, но сдвинуть его не получилось даже на полшага.

— Ты не знаешь, чего захочет герцог. Он ещё меня не встречал, — напомнила я, ненавидя собственную ладонь за то, что она слишком отчётливо чувствовала его тело.

Сердце под моей рукой ударило сильнее. Астар опустил глаза на мои пальцы, словно только сейчас заметил, где они лежат.

— Тем хуже. — Настоящее бешенство впервые прорвалось в голос Астара. — В зеркале тебе даже не пришлось ничего делать, чтобы он прошёл мимо Астреи. Ты просто стояла и смотрела. Этого ему оказалось достаточно.

Глава 8

Мы замолчали.

Под моей ладонью тяжело билось его сердце. Я слышала дыхание Астара, чувствовала жар его тела сквозь мокрую ткань и видела у самого лица тёмный камень в отцовском перстне — знак того, что этот мужчина распоряжался домом, землями, деньгами и нашими судьбами.

В зеркале герцог казался мне безопасным. В глубине души я была рада тому, что покину этот дом навсегда.

Рядом с Астаром никто не мог чувствовать себя в безопасности. Особенно тот, кто приходился ему не по душе.

Я убрала руку с его груди, но он ещё мгновение держал мои пальцы, прежде чем позволил им соскользнуть.

— Чего ты на самом деле хочешь от меня? — спросила я, вспоминая его слова: «Ты живёшь в этом доме в память о родителях. Из уважения к ним. Но лично я был бы рад, если бы тебя здесь не было».

Он помолчал. Не потому, что не знал ответа: Астар вообще редко сомневался. Он выбирал, какую часть правды мне позволить услышать.

— Чтобы через неделю Астрейя была жива и счастлива. — Астар ответил сразу, однако не отступил. Его взгляд снова задержался на моих губах. Он всегда смотрел на губы, когда ждал ответа.

У меня болезненно сжалось сердце.

— А я? — спросила я, уже зная, что ответ причинит боль.

Его лицо стало непроницаемым, но пальцы на двери медленно сжались. Под ногтями с тихим треском раскололось

дерево.

Я посмотрела на тонкую трещину, потом на его руку. Страх смешался с чем-то горячим и почти торжествующим: я наконец нашла слабое место в его безупречной защите.

— Что будет со мной? — произнесла я медленно, наблюдая, как золото затапливает его глаза.

Золотые прожилки в его глазах вспыхнули ярче.

На этот раз Астар улыбнулся. Красиво. Неспешно. Так улыбается человек, решивший не отвечать на опасный вопрос, а уничтожить саму возможность задать его снова.

— А тебе я найду какого-нибудь мужа, — произнёс Астар. — Так и быть, выполню долг перед родителями.

Он убрал руку от двери и отступил. Я впервые за весь разговор смогла вдохнуть полной грудью, но облегчение длилось недолго.

Астар указал в сторону моих комнат. Его голос опять стал спокойным, почти равнодушным, и от этого во мне поднялась новая тревога.

— Иди к себе. Тебе осталось четыре часа, чтобы поспать и проститься со своими глупостями, — велел он, уже обращаясь со мной как с той, чьё согласие перестало иметь значение.

Я не двинулась. На лестнице за его спиной уже серел первый утренний свет, и вместе с ним приближались смотрины.

— После зеркала я всё равно не усну. Лучше подготовлюсь и сама прослежу, чтобы герцог меня не выбрал, — от-

казалась я, пытаюсь обойти его справа.

Астар не преградил дорогу.

— Ты до сих пор считаешь, что я прошу тебя помочь, — произнёс он, и моя нога замерла над первой ступенью.

Глава 9

От его спокойствия стало не по себе. Я медленно поставила ногу обратно на пол.

— Разве нет? — спросила я, уже зная: ответ мне не понравится.

Вместо ответа Астар сунул руку во внутренний карман камзола.

На его ладони блеснул длинный чёрный ключ. Не от запертой комнаты — этот был новым, тяжёлым, с незнакомой мне насечкой на бородке.

Я посмотрела на ключ, и все придуманные способы один за другим показались детскими.

— Я пообещала, что буду вести себя скромно. Надену ужасное платье. Откажу герцогу, если понадобится, — напомнила я, отступая к лестнице. — Чего ещё ты от меня хочешь?

Он приблизился и наклонился к самому моему уху. Его губы почти коснулись виска, а голос стал мягким — таким он бывал только перед тем, как Астар делал что-нибудь по-настоящему страшное.

— Скромность может его заинтересовать. Плохое платье — разбудить воображение. Отказ — заставить преследовать

тебя, — перечислил он мои ошибки, и ключ холодно коснулся внутренней стороны запястья. — Поэтому у меня есть идея получше.

По спине скользнул холод. Я не отрывала взгляда от ключа, исчезнувшего в его пальцах.

— Что ты задумал? — произнесла я, и голос стал чужим, слишком тихим для пустого коридора.

Астар выпрямился, взял меня за запястье и повёл прочь от лестницы. Его рука сомкнулась крепко, а я едва не пискнула от боли.

— Кое-что понадёжнее твоего «честного» слова, — ответил он, и чёрный ключ исчез в замке двери, которую при мне никогда раньше не открывали.

Ключ повернулся, и Астар распахнул передо мной дверь. В детстве я была уверена, что это обычная кладовая или гардеробная.

Но за ней оказалась не спальня и даже не одна из гостевых комнат. Узкая каменная лестница уходила вниз, в темноту, пахнущую пылью, сыростью и давно погасшим камином.

Я упёрлась свободной рукой в дверной косяк.

— Нет, — выдохнула я, испугавшись лестницы и темноты.

Астар даже не обернулся. Он продолжал сжимать моё запястье и потянул сильнее, словно не услышал отказа.

— Я сказала: нет! — повторила я, вцепляясь пальцами в дерево. — Ты не имеешь права меня запирать!

Он остановился только затем, чтобы посмотреть на мою

руку. На белые от напряжения пальцы. На ноготь, сломавшийся о резную кромку косяка. Потом перевёл взгляд на моё лицо.

— Убери руку, Эвелис, — предупредил он.

Тихий голос оказался страшнее рывка. Я знала: сейчас он ещё позволял мне сделать это самой. Через мгновение решит за меня.

Я прижалась плечом к двери, стараясь закрыть собой проход.

— Через четыре часа я выйду к герцогу вместе с Астрей. Так велит договор. Ты не можешь спрятать одну из девушек только потому, что тебе не понравилось предсказание, — потребовала я, хотя голос предательски дрогнул.

В янтарных глазах мелькнуло холодное удивление. Как будто запереть меня было совершенно разумно, а вот моё сопротивление нарушало все известные законы.

— Могу, — произнёс Астар. — Ты ведь до сих пор живёшь в моём доме.

Слова ударили по больному месту.

— В доме моего отца! — произнесла я, снова толкнула его, на этот раз сильнее.

Я ударила его ладонью в грудь. Мокрый мундир охлаждал пальцы, а под ним жёстко напряглись мышцы. Астар опустил глаза на мою руку. Не рассердился. Не отшатнулся. Просто посмотрел — и мне стало стыдно за бессильный удар.

— Того, кого ты называла своим отцом, больше нет, —

напомнил он. — В этом доме есть один хозяин. Я.

Глава 10

Слова заставили меня разжать пальцы. Этого мгновения ему хватило.

Астар рванул меня на себя. Косяк выскользнул из-под ладони, пол качнулся, и я налетела на него всем телом. Его рука тут же обхватила меня за талию, удерживая от падения. На краткий миг я оказалась прижата к нему: щекой к мокрому воротнику, грудью к его груди, бёдрами к горячему, сильно-му телу.

Я почувствовала, как он вдохнул.

Слишком глубоко для человека, который просто поймал оступившуюся женщину.

Но уже в следующую секунду Астар отстранил меня. Резко. Почти грубо. Словно это я навязала ему близость, от которой он не успел уклониться.

— Отпусти! — закричала я, а потом извернулась и попыталась выдернуть руку.

Он перехватил меня выше локтя и потащил вниз по лестнице.

Босые ступни скользили по холодному камню. Подол ночной сорочки путался между ног. Я цеплялась за стену, хваталась за перила, один раз едва не упала, но Астар не замедлил шага. Только перенёс руку мне на талию и буквально снял с очередной ступени, не позволив разбить колени.

— Ты делаешь мне больно! — выдохнула я, чувствуя, как

пальцы прожигают кожу сквозь тонкую ткань.

Хватка не ослабла.

— Я знаю, — отозвался Астар, даже не замедлив шага.

В его голосе не было ни сожаления, ни удовольствия. Только уверенность человека, который заранее решил, сколько боли допустимо причинить ради нужного результата.

Это пугало сильнее открытой жестокости.

Лестница закончилась коротким коридором. Астар толкнул плечом ещё одну дверь и втянул меня в комнату, спрятанную между старым крылом дома и северной башней.

Здесь когда-то жила наша кормилица. Я узнала выцветшие обои с серебряными птицами, узкую кровать под пологом и тяжёлый шкаф, который помнила с детства. Только прежде в комнату входили со стороны галереи. Теперь тот проход был заложен кирпичом, а окна закрывали толстые рамы с тёмными металлическими переплётами.

Астар отпустил меня так внезапно, что я не удержалась на ногах. Колени ударились о край ковра, ладони скользнули по полу.

Я обернулась к нему.

Он стоял в дверях, заполняя собой весь проём. За его плечом чернела лестница, по которой я уже не смогла бы подняться, не столкнувшись с ним.

— Это чтобы я точно был уверен, что всё пойдёт по плану, — сообщил Астар, будто речь шла не о моём заточении, а о

рассадке гостей перед приёмом.

Я поднялась, прижимая к груди руку, которую он только что сдавливал. На коже уже проступали красные следы пальцев.

Астар посмотрел на них.

Его лицо осталось спокойным, но большой палец медленно провёл по краю отцовского перстня. Один раз. Второй.

— План? — переспросила я, с трудом удерживая дрожь. — Ты называешь планом то, что силой притащил меня сюда полуголой и босой?

Его взгляд прошёлся по ночной сорочке. Задержался на разорванном рукаве, открытом плече, на подоле, облепившем ноги после борьбы. Жар в его глазах стал ярче. Он злился.

Я тут же запахла ткань на груди.

— Не смотри на меня так, словно я этого заслуживаю, — потребовала я, запахивая сорочку ещё плотнее.

Вместо того чтобы отвести глаза, он задержал их на моих пальцах.

— Думаешь, ты этого не заслужила? — В его голосе прозвучало опасное любопытство.

Астар шагнул в комнату. Я отступила, пока край кровати не ударил под колени.

Он мог бы объяснить. Усмехнуться. Напомнить, что уже видел достаточно женщин, чтобы моя ночная сорочка не произвела на него впечатления. Вместо этого Астар взял ме-

ня за запястье и отвёл ладонь от груди.

Медленно. Без усилия. Именно поэтому движение показалось ещё более бесстыдным: он не боролся со мной, а показывал, насколько легко может заставить подчиниться.

— Так, словно думаю, что уродливое платье действительно тебя не спасёт? — спросил он, рассматривая бешеный пульс у основания моей шеи.

Воздух застрял в лёгких.

Я знала этот взгляд. Так Астар смотрел на женщин, которых собирался сломать: сначала заставлял их почувствовать себя желанными, а потом наслаждался тем, как надежда сменялась унижением. Теперь он просто выбрал привычное оружие. Решил заставить меня смутиться, чтобы я перестала сопротивляться.

Я дёрнула руку.

— Ты не заставишь меня поверить, что я тебе интересна. Я знаю этот взгляд. И не настолько дура, чтобы ему поверить, — усмехнулась я, защищаясь от собственного смущения.

Что-то изменилось в его лице. Не больше чем тень от огня, которого в комнате не было.

— Хорошо, что хотя бы в этом ты не настолько наивна, — произнёс Астар и отпустил меня.

Пальцы разжались по одному. Последним скользнул по ладони большой палец. Я спрятала руку за спиной, ненавидя себя за то, что кожа продолжала чувствовать это прикосновение.

Глава 11

Он повернулся к двери.

— Астар! — окликнула я, когда он уже переступил порог.

Брат остановился на пороге, но не посмотрел на меня.

— Астрей узнает, что ты сделал. Она не позволит держать меня здесь, — пригрозила я ему вслед.

Астар едва заметно усмехнулся.

— Астрей готовилась к этому дню несколько лет. Через четыре часа внизу будет герцог, которого она любит.

Он чуть повернул голову, показывая безупречно спокойный профиль.

— Думаешь, сестра бросит всё и отправится искать тебя по дому? — усмехнулся Астар, а его усмешка заставила меня сглотнуть.

Ответ пришёл слишком быстро, и я возненавидела себя за него.

Нет.

Астрей будет ждать в белой гостиной. В платье, которое примеряла весь последний месяц. С жемчугом матери на шее и надеждой, которую я едва не отняла у неё, ничего не зная о ее тайных чувствах.

— Она спросит, где я, — возразила я, но уверенности в голосе уже не осталось.

Он не оставил мне даже надежды на это.

— Ей скажут, что тебе нездоровится. — Астар произнёс приготовленную ложь без малейшего колебания.

Так просто он лишил меня права даже позвать на помощь.
— Я закричу. — задохнулась я, понимая, что неизвестно, вернется ли он или нет.

Я слышала достаточно легенд про неугодных родственников, навсегда оставшихся в тайных комнатах поместий.

Я вскинула подбородок, пытаюсь хотя бы угрозой вернуть себе власть над происходящим.

Теперь Астар всё-таки обернулся. В янтарных глазах появилось мрачное веселье.

— Кричи. Стены здесь строили в те времена, когда моим предкам требовалось хранить тайны погромче твоих. — бросил брат.

Астар скользнул взглядом по каменной кладке и снова посмотрел на меня.

Его уверенность заставила оглядеться в поисках другой угрозы.

— Тогда я разобью окно. — произнесла я дрожащим голосом.

В подтверждение слов я схватила с туалетного столика тяжёлый подсвечник.

Он посмотрел на тяжёлую бронзу в моей руке и даже не попытался отнять её.

— Попробуй, — разрешил он с таким спокойствием, что пальцы невольно ослабли на подсвечнике.

Спокойное разрешение остановило лучше приказа. Астар знал об этой комнате что-то, чего не знала я. И уже предвку-

шал момент, когда мне придётся это понять.

Он вынул из кармана ключ, но вдруг задержал руку. Она снова вернулась в карман, словно там лежало что-то ещё.

— Ах да. С днём рождения, — выплюнул Астар, словно вспомнил о досадной обязанности.

Слова прозвучали настолько неуместно, что я не сразу заметила тонкую золотую цепочку, свисавшую между его пальцами.

Астар разжал ладонь.

Украшение упало на пол возле моих босых ног. Цепочка звякнула, расползлась по потёртому ковру, и тяжёлая подвеска перевернулась лицевой стороной вверх.

Дракон сомкнул крылья вокруг крошечной башни.

Герб Авермонтов.

Чёрные камни отмечали глаза зверя, а окна башни горели мелкими рубинами. Украшение было новым. Сделанным не наспех и не выбранным слугой из первой попавшейся шкатулки. Кто-то заказывал его заранее, обсуждал рисунок, ждал, пока ювелир закрепит каждый камень.

Астар, который двадцать один год утверждал, что я не принадлежу его семье, бросил к моим ногам её герб.

Глава 12

— Зачем? — спросила я, не наклоняясь за подарком.

Его взгляд остановился на цепочке, потом поднялся к моей шее.

— Чтобы маме и папе на том свете было приятно видеть,

что глава дома не забыл о своём долге поздравить тебя. — ответил Астар, а уголок его губ дрогнул в усмешке.

Его взгляд остановился на гербе, а затем медленно поднялся к моей шее.

Я не поверила в это объяснение, но другого он не собирался давать.

— Мне кажется, что не стоило, — произнесла я, с удивлением и ужасом глядя на подарок. — Я уже привыкла, что в этом доме меня считают лишней.

Он не стал отрицать очевидное.

Он не добавил больше ни слова. Не объяснил, почему мокрый от ночного дождя вернулся домой с украшением во внутреннем кармане мундира на день раньше. Почему вспомнил о моём рождении, хотя за завтраком сделал бы вид, что этот день ничем не отличается от остальных.

Возможно, подарок предназначался Астрее. Возможно, ювелир ошибся с заказом. Возможно, Астар просто придумал ещё один способ напомнить, что всё полученное мною принадлежит его семье.

Я выбирала любое объяснение, глядя на золотую подвеску.

— Я не возьму его, — отказалась я, не отводя взгляда. — Ты даже подарил его унизительно!

Астар посмотрел на меня так, как смотрел на осаждённую крепость, отказавшуюся открыть ворота после первого предупреждения.

— Радуйся, что я вообще вспомнил о твоём дне рождения, — произнёс он, надменно глядя на меня.

Дверь захлопнулась прежде, чем я успела ответить.

Ключ повернулся в замке.

Я бросилась следом и навалилась на ручку.

— Астар! Открой! — закричала я и ударила ладонью по толстому дереву.

Шаги удалялись по каменной лестнице. Ровные, неторопливые. Он не боялся, что я найду выход. Не сомневался, что через четыре часа всё произойдёт именно так, как он решил.

— Астар!

На втором крике голос сорвался.

Я ударила сильнее. Боль пронзила уже повреждённую руку, заставив отшатнуться.

В ответ пришла тишина.

Я прижалась лбом к двери. Дерево пахло пылью и каким-то старьем.

За дверьми и стенами просыпался дом: где-то далеко звякнул поднос, хлопнула дверь, служанка торопливо позвала другую. Начиналось утро, которое должно было изменить мою жизнь.

Только меня в этой жизни больше не было.

Я заставила себя отойти от двери и осмотрела комнату. Второго выхода не существовало. Кирпичная кладка на месте прохода была старой, но настоящей. В камине лежала холодная зола. Дымоход оказался слишком узким даже для ре-

бёнка.

Оставалось маленькое круглое окно.

Я отдёрнула тяжёлую портьеру. За стеклом серел внутренний двор, дальше виднелась подъездная аллея и кованые ворота. Отсюда я могла увидеть каждого, кто приближался к дому.

Я взялась за оконную ручку.

Она не поддалась.

Подсвечник всё ещё оставался у меня в руке. Я обернула кисть краем портьеры, размахнулась и ударила бронзовым основанием по стеклу.

Комнату прорезал металлический звон. Подсвечник вылетел из онемевших пальцев, а по стеклу пробежал золотой отсвет и погас. На стекле и раме не осталось даже царапины.

Я ударила снова. Потом ещё раз. На третьем ударе ладонь прострелило болью, и подсвечник упал рядом с золотой цепочкой.

Два предмета лежали возле моих ног: один должен был помочь выбраться, другой напоминал о человеке, который лишил меня будущего.

Я отвернулась от обоих.

Глава 13

Время перестало двигаться. За окном светлело небо. По двору пробежал конюх, распахнулись ворота, слуги вынесли на крыльцо горшки с белыми розами. Каждое движение внизу приближало визит герцога.

Я слышала, как дом готовится встретить его.

По трубам и пустотам старого крыла поднимались голоса, звон посуды, обрывки распоряжений. Прямо под окном комнаты проходил старый воздушный канал из белой гостиной. В детстве мы с Астреей прикладывали к решётке ухо и слушали, как матушка обсуждает со швеёй наши платья.

Теперь бронзовая решётка возле пола могла стать единственным окном в ту жизнь, которую у меня отняли.

Я опустилась рядом с ней на колени.

Сначала различала только шаги и голоса слуг. Потом услышала Астрею. Она несколько раз попросила переставить цветы, велела снять со стола синюю скатерть, а через минуту попросила вернуть её обратно. В её голосе дрожало такое счастливое волнение, что вина снова сжала горло.

Она любила его.

А я узнала о любви сестры только тогда, когда зеркало показало цену моего собственного счастья.

Где-то в моей комнате лежало приготовленное платье, которое я перешила своими руками, пожертвовав другим. И скромные серьги из жемчуга. Я тоже хотела выглядеть красиво в этот день.

Мне вдруг стало обидно до слез, но я сдержалась, чтобы слышать происходящее внизу.

Через некоторое время внизу заговорил Астар. Спокойно распорядился подать завтрак, проверить гостевые комнаты и не беспокоить госпожу Эвелис.

Госпожу Эвелис.

Так называли женщину, которой нездоровилось. Не пленницу, босую и раздетую, запертую в старой комнате.

Я поднесла рот к решётке.

— Помогите! — крикнула изо всех сил. — Я здесь! Позовите Астрею!

Голос ударился о металлический канал и вернулся ко мне искажённым шёпотом. Никто внизу не замолчал. Никто не услышал.

Астар всё рассчитал.

Он всегда всё рассчитывал наперед.

Когда сквозь дождь донёсся стук копыт, я уже стояла у окна.

Карета появилась между мокрых деревьев: чёрный лак, серебряные фонари и герб, который я видела в зеркале, — крылатый зверь над короной. Четвёрка серых лошадей замедлила бег у ворот.

Сердце ударило так сильно, что заболела грудь.

Это был он.

Глава 14

Лакей распахнул дверцу, и герцог Гидеон Эдгардейн ступил на дорожку.

Я знала его лицо. Знала, хотя никогда прежде не встречала. Тёмные волосы, резкая линия скул, спокойный внимательный взгляд человека, привыкшего замечать то, что другие старались спрятать. В зеркале этот мужчина подходил ко

мне через белую гостиную и говорил: «Я выбираю вас!»

Теперь он поднялся по ступеням нашего крыльца, не подозревая, что выбранную им в будущем женщину заперли над его головой.

Я прижала ладони к стеклу.

— Посмотрите сюда, — прошептала я, умоляя судьбу смилостивиться надо мной. — Пожалуйста. Просто посмотри... Мне больше ничего не нужно...

Я знала, что не встану на пути сестры, но в глубине души была надежда, что все можно изменить иначе... Что герцог увидит меня, спросит, и меня освободят.

Герцог на мгновение задержался у двери.

Мне показалось, что он почувствовал мой взгляд. Его голова чуть повернулась в сторону северной башни, но Астар вышел навстречу, заслонил обзор и протянул гостью руку.

Двери закрылись за ними.

Я бросилась к решётке.

Вскоре внизу зазвучали приветствия, шелест платья, мужские голоса. Потом среди них появился один, от которого по моему телу прошла дрожь. Я его узнала.

— Благодарю за приглашение, генерал, — произнёс герцог.

Я никогда не слышала его наяву. И всё-таки узнала голос так же, как лицо. Этим голосом он разговаривал со мной в зимнем саду. Шептал возле беседки. Произносил моё имя перед тем, как поцеловать.

Неслучившиеся воспоминания оказались более воспоминаний прошлого.

— Добро пожаловать в дом Авермонтов, — ответил Астар. Его тон был безупречно почтительным, и никто не догадался бы, что хозяин дома только что бросил одну из предназначенных для смотрин девушек на пол и запер на ключ.

Астрейя сказала что-то слишком тихо. Герцог ответил, и сестра рассмеялась. Её смех взлетел по металлическому каналу, лёгкий и счастливый.

Я закрыла глаза.

Всё шло правильно.

Именно этого я пообещала добиться.

Только правильное почему-то причиняло такую боль, будто Астар всё-таки выбрал для меня худшую судьбу.

А мне... мне просто хотелось увидеть герцога. Увидеть вблизи мужчину, который выбрал меня, который целовал меня и обещал сделать своей женой. Просто увидеть, просто посидеть и посмотреть, как он разговаривает с сестрой, увидеть его улыбку, которая предназначалась не мне. Пусть даже не мне.

В гостиной передвигали кресла, подавали чай, играли на фортепиано. Я различала голос сестры всё чаще. Сначала робкий, потом оживлённый. Герцог задавал ей вопросы. Астрейя рассказывала о книгах, о зимних балах, о поездке к морю. Она знала, как поддержать разговор, когда улыбнуться, когда опустить глаза.

Прошло, должно быть, не меньше часа, прежде чем герцог задал вопрос, которого я ждала и боялась.

— Я полагал, в доме Авермонтов живут две незамужние девушки, — заметил он. Вежливость не скрыла интереса. — Где же вторая красавица?

Глава 15

Я задержала дыхание и прижалась ухом к холодной решётке.

Молчание длилось всего секунду. Однако я успела представить, как Астар поворачивает отцовский перстень камнем наружу и выбирает ложь, которую мне придётся принять за собственное решение.

— Эвелис с утра нездоровится, — ответил он ровно. — К сожалению, сегодня она не сможет выйти к вам.

Моё имя в его голосе прозвучало почти чужим.

— Эвелис, — повторил герцог.

От одного произнесённого им имени у меня защипало глаза.

— Жаль. Я надеялся познакомиться с обеими девушками. — В голосе герцога прозвучало искреннее разочарование.

Надежда рванулась во мне так резко, что я ударила ладонью по решётке.

— Я здесь! — закричала я, не заботясь о сорванном голосе. — Ваша Светлость, я здесь!

Снизу донёсся звон чашки. Астрея что-то спросила. Потом разговор продолжился.

Меня никто не услышал.

Я кричала ещё несколько раз, пока в горле не появился вкус крови. Потом сползла по стене и села на холодный пол, прижимая колени к груди.

Одна мысль о том, что герцог мог выбрать меня, увезти из этого дома, поселить там, где Астар не распоряжался бы каждым моим шагом, делала счастливой. Не только поцелуй. Не только прогулки и его ладонь на моей талии. В видении рядом с Гидеоном я впервые не старалась занимать как можно меньше места.

Он смотрел на меня так, будто моё присутствие было подарком, а не долгом перед умершими родителями.

И я успела полюбить не мужчину, которого почти не знала, а женщину, которой становилась рядом с ним.

Слёзы текли по щекам. Я вытирала их краем сорочки, злилась на себя и всё равно продолжала плакать. За дверью никого не было. Я могла хотя бы не притворяться благодарной, спокойной и готовой уступить.

Внизу смеялась Астрей.

Я слушала и повторяла себе, что сделала правильный выбор.

Я любила сестру. Искренне, от всего сердца.

После смерти родителей она спорила с братом, доказывала ему, что мне тоже нужны наряды, что нечестно дарить подарки только ей. И слышала неизменный голос Астара: «Она что, голая ходит? У неё есть несколько добротных платьев.

Большого ей не надо».

Я помнила, как сестра уверяла его, что любая девушка хочет быть красивой и нравиться. «Ей это не нужно», — произнёс Астар. И всем видом показывал, что разговор окончен.

«Я всё сделала правильно, — шептала я. — Всё так, как должно быть... Пусть сестра будет счастлива...»

Когда ноги онемели, я перебралась к кровати. Потом снова подошла к окну. Села возле двери. Через несколько минут, вернулась к решётке.

Время измерялось голосом герцога, который то приближался, то исчезал, и тенью золотой цепочкой, лежавшей там, куда её бросил Астар.

Я не стала поднимать её с пола. Гордость не позволяла. Она так и лежала на полу, пока я прятала лицо в руках, растирая слёзы.

Солнце поднялось над деревьями, дождь прекратился. На ковре вспыхнули рубиновые окна крошечной башни. Дракон вокруг неё казался живым: сторожил, не позволял выйти.

Наконец внизу задвигали кресла.

Разговоры приблизились к дверям. Кто-то позвал лакея. По каменной лестнице за моей спиной донёсся скрежет ключа.

Замок открылся.

Глава 16

Я вскочила, едва Астар успел переступить порог. Со двора донёсся голос герцога, и я бросилась к окну.

Гидеон стоял у кареты. Астрейя вышла проводить его без накидки, словно не замечала прохлады. Белое платье сияло под утренним солнцем, жемчуг матушки лежал на её шее, а на щеках появился нежный румянец.

Она была счастлива.

Герцог произнёс что-то, чего я не расслышала, взял её за руку и склонился. Его губы коснулись пальцев Астреи — медленно, с той самой улыбкой, которую зеркало обещало мне.

Слёзы снова потекли по щекам.

Позади меня тихо закрылась дверь.

Я увидела Астара в отражении оконного стекла. Он не смотрел на сестру. Не смотрел на герцога. Всё его внимание было приковано к моему заплаканному лицу.

— Ты добился своего, — охрипшим от боли голосом произнесла я, не оборачиваясь. — Теперь можешь мной гордиться.

Его взгляд опустился на мои губы, потом на руку герцога, всё ещё державшую пальцы Астреи. На лице Астара не появилось удовлетворения.

— Герцог выбрал её. Послезавтра официальная помолвка, — сказал он так, словно убеждал не меня, а себя.

Губы задрожали, однако я заставила их сложиться в ответ.

— Я вижу, — отозвалась я, глядя, как герцог склоняется к руке Астреи и целует её.

Я видела, как он направляется к карете. Мои плечи опу-

стились, словно признавая поражение.

И в то мгновенье, когда герцог уже собрался садиться в карету, он вдруг поднял голову и посмотрел на меня.

Секунда. Вторая.

Я замерла, вцепившись руками в занавеску, как вдруг её рванули из моих рук.

Астар зашторил окно.

В комнате стало темно, а я опустила голову. Несколько секунд стояла, чувствуя, как дрожат губы. Ну вот и всё.

У меня за спиной тихо звякнуло золото.

В отражении Астар нагнулся и поднял с ковра брошенную цепочку. Медленно распутал её, не сводя глаз с моего лица.

— Ты даже не прикоснулась к подарку. — произнес Астар и его голос стал тише.

Горечь придала мне смелости.

— Подарки не бросают на пол. — ответила я, стиснув зубы.

Я встретила с ним взглядом в отражении. Глядя на его красивое лицо, я ожидала насмешки. Вместо неё в отражении вспыхнули золотые глаза.

Астар подошёл сзади. Я почувствовала его тепло раньше, чем цепочка скользнула по ключицам. Дракон сомкнул крылья вокруг башни у самой ложбинки между грудей.

— Не надо, — выдохнула я и подняла руки к украшению.

Он перехватил мои запястья одной ладонью и прижал к животу. Второй рукой отвёл волосы с затылка. Его пальцы

коснулись шеи, вынуждая меня замереть.

Внизу герцог наконец отпустил руку Астреи.

— Родители, надеюсь, вы довольны, — тихо произнёс Астар у самого уха.

Замок цепочки щёлкнул на моём затылке.

Второй замок за это утро оказался намного тише первого.

Глава 17

Пальцы Астара задержались на замке цепочки.

Всего на мгновение — но я почувствовала их на затылке слишком отчётливо. Горячие подушечки коснулись кожи, медленно убрали застрявшую под застёжкой прядь. Потом его ладонь легла на моё плечо и развернула меня от окна.

За шторами всё ещё шумели колёса отъезжающей кареты.

Я рванулась к стеклу, надеясь хотя бы ещё раз увидеть герцога, но Астар не позволил. Встал между мной и окном, заклонив его широкой спиной.

— Ты не имеешь права запрещать мне смотреть в окно, — выдохнула я, пытаюсь обойти брата.

На лице Астара ничего не изменилось. Только рука, лежавшая на моём плече, сжалась сильнее.

— Имею, — произнёс он. — Даже не надейся. Я прекрасно знаю, на что ты там собралась смотреть.

Сказанное холодом легло между лопаток. Я обхватила себя за плечи, но всё равно не сумела перестать дрожать.

— Почему ты мне запрещаешь? — возмутилась я. — Помолвка уже назначена.

Его взгляд скользнул к задёрнутым шторам. Челюсть напряглась так, будто одно воспоминание о том, как я смотрела вслед герцогу, причиняло ему боль.

— Потому что я так решил, — отрезал Астар, нахмурившись.

Попытка превратить мою боль в новую вину заставила сжать кулаки.

— Ты сам запер меня здесь, а теперь обвиняешь в том, что я посмотрела в окно? — прошептала я.

Мой голос задрожал от возмущения.

Обида прорвалась сквозь слёзы. Я ударила его ладонью в грудь, но Астар перехватил моё запястье раньше, чем пальцы коснулись мокрого мундира.

Боль заставила охнуть.

Он сразу ослабил хватку. Не отпустил — просто повернул мою руку и посмотрел на красные следы, оставленные его пальцами ещё на лестнице.

— Хватит, — потребовала я, дёрнувшись. — Смотришь так, будто это сделал кто-то другой.

Астар провёл большим пальцем по одному из тёмных пятен. Прикосновение получилось неожиданно осторожным, почти невесомым. Кожа всё равно отозвалась болью.

— Я рассчитал силу, — заметил он. — Иначе сломал бы тебе руку.

Вместо извинения я получила спокойный отчёт.

— Тогда тебе следует пересчитать. — бросила я и выдер-

нула руку из его пальцев.

Я ожидала, что он разозлится. Вместо этого уголок его рта едва заметно дрогнул.

— В следующий раз учту твои пожелания, — пообещал Астар.

От этой уверенности по спине прошёл холод.

— Следующего раза не будет, — процедила я.

Его взгляд поднялся от моего запястья к лицу. В янтарной глубине вспыхнуло мрачное веселье человека, которому только что сообщили, что неприступная крепость никогда не падёт.

— Обязательно напомни мне об этом в следующий раз, — предложил Астар так спокойно, что обещание прозвучало угрозой.

Глава 18

Он отпустил мою руку, но свобода продлилась недолго. Пальцы легли под подбородок, приподняли лицо к свету, пробивавшемуся по краям шторы.

Я попыталась отвернуться.

Астар не позволил.

Он рассматривал мои опухшие веки, мокрые ресницы и следы слёз так внимательно, словно перед ним лежал план вражеской крепости. Ни одна слабость не могла укрыться от этого взгляда.

— В таком виде ты в свою комнату не вернешься, — решил он.

Я провела пальцами под опухшими глазами.

— Боишься, что слуги увидят, до чего ты меня довёл? — злобно спросила я.

Астар даже не посмотрел в сторону двери.

— Мне всё равно, что увидят слуги, — отрезал он.

Большой палец прошёл под моим глазом, стирая влажный след. От прикосновения я замерла. Астар заметил это и задержал палец на скуле на секунду дольше, чем требовалось.

— Астрейя не должна догадаться, что ты плакала, — продолжил он уже тише. — Сегодня она счастлива. Ты не испортишь ей этот день. Я не позволю это сделать.

Я отступила, вырывая лицо из его руки.

— Даже мои слёзы теперь принадлежат тебе? — выкрикнула я и вытерла щёку тыльной стороной ладони.

Он перехватил мою руку, не позволив размазать влагу по лицу.

— Все, этом доме принадлежит мне. — Астар посмотрел на меня сверху вниз. — Даже твои слезы. И сейчас я не желаю их видеть.

Астар подошёл к умывальному столику, снял перчатки и бросил их рядом с потухшей свечой. Его длинные пальцы легли на кувшин. Вода зашумела, наполняя фарфоровую чашу.

Я осталась возле окна.

— Умойся, — приказал он, проверяя воду кончиками пальцев.

Я скрестила руки на груди.

— Обойдусь, — мрачно отказалась я.

Астар поднял на меня глаза.

Спорить с этим взглядом было всё равно что спорить с закрывающимися воротами. Можно кричать, упираться, даже сунуть между створками руку — и лишь получить переломанные пальцы.

— Я сказал: умойся, Эвелис, — повторил он, отделяя каждое слово. В его голосе слышался приказ.

Холодная вода дрожала в фарфоровой чаше между нами.

— А если не стану? Снова потащишь силой? — произнесла я и кивнула на собственные запястья.

Он расправил на краю стола чистое полотенце. Медленно, тщательно, словно действительно обдумывал предложенный способ.

— Если понадобится, — подтвердил Астар, не отводя глаз.

Мне хотелось проверить. Заставить его снова сорваться, оставить ещё один след, который невозможно будет объяснить Астрее. Но перед глазами возникло счастливое лицо сестры и губы герцога над её рукой.

Я подошла к чаше сама.

Я не должна портить её счастье. Я должна сделать всё, чтобы с ней ничего не случилось.

Астар отступил ровно настолько, чтобы я могла встать перед столиком. Не ушёл. Остался за спиной, наблюдая за мо-

им отражением в маленьком мутном зеркале.

Я зачерпнула воду ладонями. Она оказалась почти ледяной. Кожа заныла, дыхание перехватило, зато жар вокруг глаз немного отступил.

— Ещё раз, — велел Астар.

Я плеснула в лицо сильнее, чем требовалось. Капли разлетелись по столу и попали на его мундир.

Он даже не моргнул.

— Доволен? — со злостью спросила я, нащупывая полотенце.

Вместо ответа Астар забрал его у меня. Ткань коснулась щеки. Я отшатнулась, но ладонь тут же легла на затылок, не позволяя отвернуться.

— Стой спокойно, — надменно предупредил он, удерживая меня за затылок.

Он промокнул кожу под одним глазом, потом под другим. Осторожность плохо сочеталась с силой пальцев, удерживавших меня на месте. Ещё хуже — с памятью о том, как эти же пальцы сдавливали запястья и застёгивали цепочку на моей шее.

Я смотрела на его лицо в зеркале. На сосредоточенную складку между бровей. На ресницы, отбрасывавшие тень на щёки. Я не верила, что хоть одна из женщин, которых Астар заставлял поверить в свою любовь, видела его таким. Они встречались с безупречным соблазнителем. Мне же достался тюремщик, вытиравший следы собственного преступления.

— Ты уже достаточно размазал мне лицо? — не выдержала я, отбиваясь от полотенца.

Его большой палец убрал каплю с моего подбородка.

— Да, сойдёт, — ответил Астар, оценивая результат.

Сухой ответ прозвучал почти насмешливо. Полотенце скользнуло к подбородку, собирая последнюю каплю.

Я попыталась забрать ткань, но Астар отвёл руку.

— Теперь достаточно, — решил он и отложил полотенце.

Он смотрел не на глаза. На губы.

Слишком долго.

Я вспомнила его рассказ о мужчинах и крепостях. Вспомнила, как он разглядывал ночную сорочку и говорил о платье на полу. Сердце споткнулось, а потом забилось быстрее.

Глава 19

Это ничего не значило. Астар умел заставить женщину смутиться одним взглядом и всегда пользовался этим, когда хотел лишить её уверенности. Сейчас он делал то же самое со мной.

Я первой отступила от умывальника.

— Теперь выпустишь? — спросила я сквозь стучащие от холода зубы.

Я повернулась к двери.

Он посмотрел на моё отражение, словно проверяя, достаточно ли хорошо скрыты следы слёз. Потом поднял с кресла свой плащ.

— Надень, — приказал Астар, встряхивая плащ.

От чёрной ткани пахнуло дождём и его телом.

— Не хочу, — яростно отказалась я.

Он приподнял край разорванного рукава, показывая то, что я пыталась не замечать.

— Твоя сорочка разорвана, на руках следы. Если встретишь служанку, она задаст вопросы, — напомнил Астар.

Мне пришлось протянуть руки. Астар не отдал плащ. Сам набросил его мне на плечи и застегнул верхнюю пряжку у горла. Тяжёлая чёрная ткань укрыла ночную сорочку до щиколоток, сохранив тепло его тела и запах дождя.

Подвеска оказалась спрятана под плащом. Два дракона легли один поверх другого: вышитый серебром на груди и золотой, холодивший кожу под тканью.

Астар поправил воротник. Костяшки его пальцев коснулись моей шеи.

— Запоминай легенду. Ты скажешь Астрее, что утром тебе стало плохо. Когда проснулась, почувствовала себя лучше. Дверь в комнату ты заперла сама, потому что не хотела, чтобы тебя тревожили, — распорядился Астар.

Приготовленная им история не оставляла места правде.

— А если мы ее сейчас встретим, и она спросит, почему я в твоём плаще? — Я коснулась серебряной вышивки на груди.

Он застегнул пряжку плотнее, пряча под воротником цепочку.

— Скажешь, что встретила меня в коридоре, — ответил

Астар. — Остальное - не твоя забота. Будешь стоять молча. Говорить буду я.

Он приготовил ответы на вопросы, которые ещё не прозвучали. Как всегда.

— И что ты, разумеется, из братской заботы решил меня согреть? — фыркнула я, не сумев удержать горечь.

Челюсть Астара напряглась.

— Не произноси при ней слово «братской» таким тоном, — потребовал он.

Во мне вспыхнуло желание заставить его услышать собственную ложь.

— Каким? Правдивым? — горько усмехнулась я и вскинула голову.

Он сделал шаг, вынуждая меня отступить к стене. Ладонь легла рядом с моей головой. Вторая нашла подбородок и сжала уже без прежней осторожности.

— Ни слова Астрее! — отчеканил Астар, заставляя смотреть ему в глаза. — Ни о комнате. Ни о том, что ты видела в зеркале. Ни о герцоге, по которому успела наплакаться. Сегодня ты улыбнёшься сестре и скажешь, что рада за неё. Ты меня поняла?

От давления заныла челюсть. Я вцепилась в края его плаща, чтобы не схватиться за руку.

— Я и без приказа не стала бы отнимать у неё счастье, — выговорила я сквозь боль.

В глазах Астара вспыхнуло золото.

— Так я тебе и поверил, — произнёс Астар. — Особенно после того, как ты рыдала по жизни, увиденной в зеркале. Я знаю, что женщины склонны к необдуманным поступкам. Поэтому и предотвратил возможные последствия.

Стыд уступил место гневу.

— Я не дала повода сомневаться в моих намерениях! И если мне действительно больно, это ещё не значит, что я побегу отбивать герцога у сестры! За кого ты меня держишь? — возмутилась я, чувствуя, как меня трясёт от ненависти.

Голос ударился о каменные стены. Астар придвинулся ближе. Его бедро коснулось складок плаща, а большой палец лёг на мою нижнюю губу, останавливая следующие слова.

— За женщину, которая в любую секунду поддастся эмоциям и всё испортит! — произнёс он. — Вот за кого я тебя держу. А теперь тихо. Я сказал — тихо. Никаких слёз, истерик и рыданий.

Я могла только смотреть. Чувствовать палец на губе, его дыхание на лице и тяжёлое золото семейного герба под плащом. Астар требовал молчания, но сам прикасался так, что внутри поднималось слишком много вопросов.

Он убрал руку первым.

Но приказ продолжал жечь губы там, где только что лежал его палец.

Глава 20

— Идём, — мрачно приказал Астар и открыл дверь.

На этот раз Астар не тащил меня. Он шёл на полшага впе-

реди, однако каждый раз замедлялся у поворота, проверяя, следуя ли я за ним. Каменная лестница вывела нас в галерею, оттуда — в пустой коридор второго этажа.

Дом ещё провожал герцога. Снизу доносились голоса слуг и хлопанье распахнутых дверей. Астар выбрал путь через старую библиотеку, где нас никто не мог увидеть.

У моей спальни я расстегнула пряжку плаща.

Холод сразу коснулся обнажённого плеча. Я придерживала ткань, не позволяя ей соскользнуть, пока Астар не отвёл взгляд.

— Забирай! — злобно выпалила я.

Его взгляд скользнул по моим пальцам, удерживавшим края плаща.

— Оставь у себя пока, — решил он.

Чёрная ткань сразу показалась тяжелее, но я стащила её со своих плеч.

— Не хочу ничего твоего, — отказалась я, собирая плащ комом и бросая в него.

Его глаза опустились к месту, где под сорочкой угадывалась подвеска.

— Считай это подарком от мамы и папы, — заметил Астар, глядя на подвеску под сорочкой.

Астар открыл дверь спальни, пропуская меня внутрь.

— Улыбайся убедительнее, Эвелис. Астрейя знает тебя лучше, чем думаешь, — предупредил он перед тем, как закрыть дверь. — В твою ложь должна поверить не только она,

но и я.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

На ширме возле окна висело платье, приготовленное для смотрин. Бледно-золотая ткань ловила солнечный свет, на лифе мерцала вышивка, а тонкие рукава были украшены жемчужными пуговицами.

Астрейя подарила его мне на день рождения. А я его украсила, взяв кружево с другого платья. Оно там прямо просилось. И добавила украшений. Теперь оно почти не уступало платьям, которыми осыпал Астрейю брат. В таком было не стыдно выйти к герцогу на смотрины.

Накануне дня рождения Астрейя сама принесла коробку, заперла за собой дверь и заставила примерить наряд. Кружилась вокруг меня, расправляла складки, смеялась и уверяла, что герцог лишится дара речи, едва увидит нас обеих.

Она знала, что любит его. Знала, что по договору он будет выбирать между нами. И всё равно хотела, чтобы я выглядела красивой.

Я подошла к платью и провела пальцами по рукаву.

В зеркале Гидеон увидел меня именно в нём.

Его взгляд остановился на мне посреди белой гостиной. Он прошёл мимо Астреи, протянул руку и произнёс: «Я выбираю вас».

Теперь платье было не нарядом, а жалким напоминанием о несостоявшейся жизни.

Я прижала мягкую ткань к щеке. Боль поднялась из груди к горлу, но плакать я себе не позволила. Астар мог вернуться и проверить. Хуже — могла войти Астрейя.

Я сняла платье с ширмы и убрала в шкаф. Плотно закрыла дверцы, словно вместе с тканью могла запереть прогулки, прикосновения и поцелуй, которого никогда не было. И который никогда не случится.

В этот момент дверь распахнулась.

Глава 21

Астрейя влетела в комнату вместе с запахом белых роз и холодного воздуха. На щеках горел румянец, жемчуг матушки дрожал на груди, а глаза сияли так ярко, что я невольно улыбнулась.

— Эва! — Сестра бросилась ко мне, но остановилась, увидев ночную сорочку. — Ты до сих пор не одета? Как ты себя чувствуешь? Астар сказал, что с утра тебе было совсем плохо.

Я заставила улыбку стать шире.

— Уже лучше. Утром действительно было плохо, но сейчас почти прошло, — солгала я, удерживая улыбку.

Ложь получилась мягкой и естественной. Наверное, потому, что часть меня и правда чувствовала себя лучше от одного взгляда на счастливую сестру.

Астрейя приложила ладонь к моему лбу. Потом к щеке. Её пальцы были прохладными после улицы и пахли духами, которые она берегла для особых случаев.

— Жара нет, — пробормотала она, внимательно глядясь в моё лицо. — Видимо, ты просто перенервничала.

Я почувствовала на губах палец Астара и слышала его приказ молчать.

— Видимо, — согласилась я, отводя глаза, чтобы сестра не прочитала в них правду.

Она тут же усадила меня на кровать, взбила подушки и укрыла ноги пледом. Я пыталась возражать, но Астрей уже налила воды, позвонила служанке и распорядилась принести бульон.

— Я не умираю, — заверила я, пряча под пледом запястье со следами пальцев Астара.

Астрей подоткнула плед под мои ноги и потянулась к колокольчику.

— Вот и прекрасно. Значит, у тебя хватит сил выпить чашку и не спорить со мной, — решила она.

Она была старше меня на три года. Но при этом разницы мы почти не чувствовали. Она была рада моему появлению в доме. “Я всегда хотела сестренку!”, - радовалась Астрей, обнимая меня.

Астрей всегда заботилась так, будто спасала человека от смертельной болезни. Шумно, решительно, не позволяя отказать. Матушка смеялась, что из неё получилась бы прекрасная сестра милосердия, если бы сестра милосердия не требовала у больных благодарить её за каждую ложку.

В детстве я почти всегда болела. Любой сквозняк, любое

переохлаждение - все это могло уложить меня в кровать на несколько дней. “Она - человек. Люди болеют очень часто! Они более хрупкие, чем мы”, - говорила матушка. И сама переживала за меня.

Семье пришлось смириться с тем, что я - просто человек. Без единой капли драконьей крови.

В жилах сестры текла кровь дракона. Женщины драконьих родов не оборачивались, зато отличались долгой жизнью и крепким здоровьем. Лишь иногда, когда она злилась, в ее глазах появлялось то же золото, что и в глазах брата. Но лишь на мгновенье.

Сейчас я была благодарна за заботу. И мне стало стыдно. Стыдно, что я мысленно просила герцога посмотреть на меня. Я прикусила губу. До боли. Для меня герцог был шансом вырваться из этого дома. Для нее - любовью ее жизни

Она заслуживала счастья. Заслуживала мужчину, которого любила несколько лет, белое платье, собственный дом и жизнь, где ей не придётся отвечать за чужую найденную на развалинах девочку.

— Расскажи, как всё прошло, — попросила я, накрывая её ладонь своей. — Герцог тебе понравился?

Астрейя замерла всего на мгновение. Потом её лицо озарилось такой улыбкой, что ответ перестал быть нужен.

— Он совершенно не такой, каким его описывают! Раньше я видела его издалека, но вблизи... — выпалила она, подсев ближе. — Все говорят, будто Гидеон холодный, высо-

комерный и едва замечает собеседника. А он слушал меня. Представляешь? По-настоящему слушал, а не ждал, пока я замолчу. Мне кажется, что я ему понравилась...

Я представила.

В видении он слушал меня точно так же. Склонял голову, когда я говорила, задавал вопросы, замечал каждое изменение в голосе.

Сестра не увидела, как пальцы сильнее сжали край пледа.

— Мы говорили о книгах, — мечтательно с улыбкой продолжила Астрейя, перебирая жемчужины на шее. — У него огромная библиотека. Герцог обещал показать мне первое издание «Легенд Северного берега». А ещё у него есть зимний сад. Настоящий, под стеклянной крышей! Там даже зимой цветёт миндаль.

Горький миндаль.

Его запах сопровождал каждый мой несостоявшийся поцелуй.

Я проглотила воспоминание и улыбнулась сестре.

— Значит, тебе будет где прятаться с книгой от скучных гостей, — заметила я, стараясь не выдать, что уже видела этот сад в своём видении.

Астрейя рассмеялась и сжала мои пальцы.

— Именно это я ему и сказала! А он ответил, что будет находить меня каждый раз. Ты можешь представить? — Она прижала свободную руку к груди, словно ее сердце сейчас выскочит от волнения. — Он помнит меня с зимнего бала.

Я была уверена, что Гидеон тогда даже не заметил, как меня представили. А сегодня он назвал цвет моего платья.

В её голосе звучал чистый восторг. Без торжества победительницы, без желания напомнить, что герцог предпочёл её. Астрейя делилась со мной самым счастливым утром своей жизни, как делилась в детстве сладостями и секретами. Всем, кроме одного. Который я узнала сегодня. И не от нее.

Мне стало стыдно за каждую секунду, когда я жалела себя.

— Он сделал предложение? — спросила я, поглаживая большим пальцем её ладонь.

Сестра засияла ещё ярче.

— Сказал Астару, что хочет объявить о помолвке послезавтра. Конечно, это ещё не само предложение... Он должен произнести его перед семьёй, всё оформить, подарить кольцо. Но Гидеон выбрал меня, Эва! А я уверена, что невесту у него хоть отбавляй. Но он выбрал меня! — выпалила Астрейя, не в силах удержать счастье.

Последние слова сорвались на счастливый шёпот.

Глава 22

Я обняла её.

Астрейя пахла белыми розами, дождём и духами матушки. Она прижалась ко мне всем телом, как делала в детстве, когда боялась грозы. Только теперь дрожала не от страха, а от счастья.

— Я так рада за тебя, — прошептала я ей в волосы. — Правда. Я желаю тебе только счастья.

И не солгала.

Если бы потребовалось снова войти в проклятую комнату, снова увидеть Гидеона рядом с собой и добровольно отказаться от каждого обещанного прикосновения, я бы сделала это. Лишь бы через неделю после помолвки Астрея не исчезла.

Сестра отстранилась и взяла моё лицо в ладони.

— Я уверена, что тебе тоже повезёт с женихом! — пообещала она с той безрассудной уверенностью, которая сегодня делала возможным любое чудо. — Обязательно повезёт. Ты красивая, добрая и гораздо умнее меня. За тобой выстроится очередь. Они ещё будут присылать тебе букеты и записки...

Перед глазами возник Астар, спокойно ожидающий эту очередь у ворот.

— Астар разгонит эту очередь ещё у ворот, — попыталась пошутить я.

Улыбка сестры на мгновение дрогнула.

— А мы ему не скажем, — заговорщически прошептала она и вдруг нахмурилась. — Подожди. Что это у тебя?

Я проследила за её взглядом.

Золотая подвеска выскользнула из ворота сорочки. Рубиновые окна башни вспыхнули на солнце, а чёрные глаза дракона уставились на Астрею.

Сестра осторожно коснулась украшения.

— Это же наш герб. Откуда он у тебя? — В её глазах появилось любопытство, которое невозможно было остано-

вить. — Ну! Признавайся!

Я вспомнила ладонь Астара на затылке. Щелчок замка. Его взгляд в отражении окна.

— Астар подарил, — призналась я, стараясь, чтобы голос не изменился.

Астрей отдёрнула пальцы от подвески и уставилась на меня.

— Да неужели?! — Астрей от удивления прикрыла рот ладонью.

Её потрясение оказалось таким искренним, что я невольно рассмеялась. Первый раз за это утро — по-настоящему.

— Самой не верится, — ответила я, пряча за смехом всё остальное. — Сказал, что родители были бы рады. Это как бы подарок от них...

Ложь снова далась слишком легко.

Астрей взяла дракона двумя пальцами и внимательно рассмотрела камни.

— Это делали на заказ. Видишь башню? У старых подвесок она круглая, а здесь такая же четырёхугольная, как на новом гербе Астара. Значит, он сам выбрал рисунок, — объяснила сестра, поворачивая подвеску к свету.

Глава 23

Я тоже это понимала. Но слышать от сестры оказалось опаснее.

— Значит, рисунок предложил ювелир, — возразила я, не желая принимать другое объяснение.

Астрей покачала головой и ещё раз провела пальцем по рубиновым окнам.

— Ювелиры обычно не меняют фамильный герб без приказа хозяина, — протянула Астрей с улыбкой, ясно показывавшей, что она мне не поверила. — О, ну хоть что-то! Я думала, он вообще ничего тебе не подарит. И даже не приедет. А Астар вернулся раньше, чем обещал! Должен был быть дома только сегодня вечером, но примчался до рассвета.

Она снова провела пальцем по рубиновым окнам башни.

— Ты уж прости его, Эва. Он с детства такой... — вздохнула Астрей. Голос сестры стал виноватым.

Астрей не договорила.

Она всегда извинялась за брата. Когда он отказывался сажать меня в семейный экипаж. Когда велел убрать мой портрет из галереи. Когда за ужином говорил со всеми, кроме меня. Сестра находила объяснение каждой его жестокости: он устал, переживает за земли, скучает по отцу, не умеет показывать чувства.

Сегодня объяснения не нашлось даже у неё.

— Не нужно его оправдывать, — попросила я и накрыла подвеску ладонью. — Сегодня твой день. Рассказывай лучше о герцоге.

Астрей тут же оживилась.

— Когда я стану герцогиней, я куплю тебе всего-всего! — пообещала она, оглядывая мою скромную спальню так, словно уже составляла список необходимых перемен. —

Пусть только попробует Астар что-нибудь сказать! Первым делом я куплю тебе платья. Десять! Нет, двадцать. И ни одного горчичного!

Она рассмеялась, а я снова взяла её за руку.

— Мне хватит одного. Того, в котором ты будешь счастлива меня видеть, — заверила я, сжимая её пальцы.

Астрей сделала вид, что возмущена моей скромностью.

— Тогда двадцать одного, — решила она. — По одному за каждый год, который мы прожили вместе.

Сердце болезненно сжалось.

Двадцать один год она считала меня сестрой. Делилась платьями, защищала перед братом, первой поздравляла с днём рождения. И через несколько дней могла исчезнуть из-за тайны, о которой пока не знала.

Глава 24

Остаток дня Астрей почти не замолкала.

Её голос преследовал меня из комнаты в комнату.

В малой гостиной она рассказывала, как герцог улыбнулся, когда она заговорила о книгах. В зимнем саду вспоминала, как поправила его в названии старинной баллады. Вернувшись ко мне, устроилась на краю постели и, прижимая к груди подушку, сообщила, что Гидеон пообещал показать ей свою библиотеку, башню над морем и зимний сад, где даже в январе цветут розы.

Имя герцога звучало в доме чаще, чем бой часов.

И каждый раз моё тело отзывалось раньше, чем я успевала

напомнить себе: он выбрал не меня.

Стоило Астрее произнести «Гидеон», как под кожей моей ладони оживало чужое тепло.

Я снова чувствовала длинные мужские пальцы, сомкнувшиеся вокруг моей руки в зеркальном видении. Помнила, как герцог большим пальцем медленно провёл по косточке запястья, прежде чем поднести мою ладонь к губам. От одного воспоминания становилось трудно вдохнуть до конца, словно корсет вдруг затягивали ещё на один крючок.

Этого прикосновения никогда не было.

Но моя кожа об этом не знала.

Я слушала, улыбалась и уверяла сестру, что чувствую себя лучше.

К вечеру ложь саднила горло не меньше простуды, которой я не болела. Под рёбрами поселилась тяжёлая, холодная пустота. Она расплзалась шире всякий раз, когда Астрея восторженно пересказывала слова, услышанные мною в зеркале совсем другим голосом. И эти слова он говорил ей.

На семейный ужин сестра пришла раньше обычного.

Она села по правую руку от Астара и тут же заговорила о послезавтрашней помолвке. Ей хотелось позвать слишком много гостей, украсить белую гостиную розами и непременно найти музыкантов, которые играли на последнем зимнем балу.

Астар слушал её терпеливо.

За день он успел переодеться. Вместо мокрого генераль-

ского мундира на нём был чёрный вечерний камзол, плотно облегающий широкие плечи. Волосы ещё хранили влажный блеск после ванны и тёмными прядями касались воротника. Отцовский перстень чернел на его правой руке.

Той самой, которая утром сдавила моё запястье.

Под кружевной манжетой ныла кожа. Я не смотрела на сиянки, но чувствовала каждый отпечаток его пальцев — особенно когда брала в руки нож. Золотая цепочка, которую он заставил меня надеть, лежала между ключицами. Маленькая башня с рубиновыми окнами то нагревалась от тела, то холодила грудь, будто напоминала, кому принадлежал дом. И кто в этом доме решал, где мне находиться, что говорить и за кого выходить замуж.

Моё место за столом находилось напротив Астреи и на несколько дюймов дальше хозяина. Слово таким образом он подчёркивал мой статус в этом доме.

Достаточно близко к хозяину, чтобы не считать меня бедной родственницей-приживалкой.

Достаточно далеко, чтобы мне приходилось тянуться за каждым блюдом и помнить о разнице весь ужин.

Сегодня Астар ни разу на меня не посмотрел. Всё это время он смотрел на сестру, словно она воскресла из мёртвых.

Обычно невнимательный к женской болтовне, Астар слушал каждое её слово так, словно, кроме Астреи и рассказов о будущей помолвке, в мире больше не осталось ничего достойного внимания.

Даже когда цепочка выскользнула из-под воротника и рубиновые окна вспыхнули в свете свечей, я невольно замерла, ожидая его взгляда.

Но Астар продолжал слушать родную сестру с таким вниманием, словно за столом сидели только они вдвоём.

Почему-то от этого стало больнее, чем от утренней хватки.

Глава 25

Я поправила цепочку слишком поспешно. Край ногтя царапнул кожу, подвеска скользнула под платье и холодно ударилась о ложбинку между грудей.

— Как ты думаешь, Гидеону понравятся белые розы? — спросила Астрея, разламывая хлеб. Крошки посыпались на скатерть, но сестра не заметила. — Сегодня он сказал, что они делают гостиную слишком торжественной. Но ведь помолвка и должна быть торжественной.

Астар забрал у неё нож, которым она неловко пыталась намазать масло, и сам положил на хлеб тонкий ломтик, размазывая его.

— Выбери те цветы, которые нравятся тебе, милая, — посоветовал он, подавая хлеб сестре. — Герцог переживёт даже розы.

Астрея рассмеялась и толкнула его плечом, как делала в детстве.

Улыбка Астара стала мягче. Совсем немного: разгладилась складка между бровями, из голоса исчез металл. Я знала

его лицо достаточно хорошо, чтобы заметить перемену. Для Астреи у него всегда находились терпение, ласковое слово и тепло, которое он прятал от остального мира.

Для меня порой не находилось даже взгляда.

Я опустила голову к тарелке и принялась разрезать мясо на мелкие ровные кусочки. Нож скользил по фарфору, мясной сок собирался в узор по краю. От запаха жаркого мутило. Я положила кусочек в рот, прожевала и поняла, что не могу проглотить: горло перехватило от очередного тихого «милая», произнесённого Астаром.

Глупость.

Я давно знала, что его нежность предназначалась не мне.

И всё же пришлось опустить подбородок и с усилием протолкнуть пищу. Сухое мясо оцарапало горло.

— Эва, ты почти ничего не съела, — тут же заметила Астрея. Её улыбка погасла, и она наклонилась ко мне через стол. — Тебе снова плохо?

От необходимости солгать заботливой сестре во рту появился металлический привкус. Я обхватила бокал влажными пальцами и сделала глоток, но вода не смыла его.

— Уже лучше. Голова почти не кружится, — заверила я, чувствуя, как горячая кровь приливает к щекам и выдаёт меня лучше любого признания.

На другом конце стола тихо звякнул металл.

Астар положил нож рядом с тарелкой. Его пальцы на миг задержались на рукояти, но лицо осталось равнодушным.

Он прекрасно знал, что никакого головокружения утром не было. Это он придумал болезнь, запер меня в старой комнате, а потом стоял над душой, пока я умывалась ледяной водой и прятала слёзы, которые не должна была увидеть Астрея.

Наши глаза почти встретились.

Почти.

Глава 26

Он перевёл взгляд на Астрею прежде, чем я успела понять, чего ждала.

— Ты сегодня обязательно ляжешь пораньше, — решила сестра, поглаживая меня по руке. Её пальцы были тёплыми и мягкими. — И завтра не встанешь с постели, пока я не принесу тебе завтрак.

Я улыбнулась. Губы слушались плохо, словно я слишком долго стояла на морозе.

— Если будешь кормить меня так же усердно, как сейчас, к помолвке придётся расширять все мои платья, — предупредила я и попыталась отодвинуть тарелку.

Астрея фыркнула, удержала её и тут же подложила мне ещё овощей.

— Вот выйду замуж — и заберу тебя к себе. Там ты наконец начнёшь нормально есть, — пообещала она, снова повеселев. — Гидеон не станет возражать. Он очень добрый.

Вилка Астара замерла над тарелкой.

Всего на миг. Но его рука застыла так резко, что капля

соуса сорвалась с зубца и упала на белую скатерть.

У меня свело живот.

Я представила дом Гидеона. Представила, как уезжаю из Авермонта, где каждый коридор помнил, как Астар проходил мимо меня, не отвечая на приветствие. Представила дверь, которую никто не запирает снаружи.

В груди на короткое мгновение стало легко.

А потом я вспомнила чувство, когда осознала. Я никогда больше не увижу Астрею. Никогда.

Желудок сжался так сильно, что к горлу подступила горечь.

— Я против! — резко произнес Астар. — Она будет лишней!

Впервые за весь ужин он посмотрел на меня. И я кивнула. Сейчас я была с ним полностью согласна.

— Молодожёнам не нужна в доме третья женщина, — заметила я, заставляя себя улыбнуться. Пальцы под столом впились в колено сквозь юбку. — Особенно женщина, которая будет мешать им наслаждаться первыми месяцами брака.

Астрея только оживилась, словно я сама подсказала ей решение.

— Тогда мы сначала выдадим замуж тебя, — решила она, загибая палец. — Это даже удобнее. Две свадьбы подряд. А может быть, устроим их одновременно! Представляешь, как это будет необычно? Мне кажется, маме и папе идея бы очень понравилась!

Вода попала не в то горло. Я закашлялась, прижав салфетку к губам. Глаза щипало, дыхание рвалось короткими толчками, а подвеска под платьем подпрыгивала в такт кашлю и больно ударяла по коже.

Астрей вскочила, чтобы помочь, но Астар продолжал есть так спокойно, словно за столом никто не задышался.

Только желваки на его скулах двигались сильнее обычно.

— Не торопи события, милая, — попросил он, когда я наконец смогла вдохнуть. Его голос оставался мягким, но лезвие под этой мягкостью почувствовала даже я.

Глава 27

Астрей не заметила предупреждения. Она уже перебирала знакомых мужчин, а я тёрла пальцами мокрые от слёз ресницы и старалась унять неприятное покалывание в груди.

— И я даже знаю за кого! Виконт Мейрон Харт? — предложила сестра, загибая первый палец. — Молодой, красивый, прекрасно танцует. У него большое поместье возле столицы и никаких долгов. На зимнем балу он трижды приглашал Эву.

Вилка Астара процарапала тарелку с таким неприятным звуком, что у меня заныли зубы.

По моей спине прошёл холодок.

Он по-прежнему не смотрел на меня, но вдруг стало трудно сидеть свободно. Я выпрямилась, словно его ладонь легла между моих лопаток и заставила расправить плечи. Даже

юбка на коленях показалась слишком тонкой, а вырез платья — слишком глубоким для разговора о мужчинах.

— Он приглашал всех женщин младше сорока, — напомнила я сестре и провела пальцем по краю бокала, чтобы чем-нибудь занять руки. — И дважды наступил мне на подол.

Астрейя загнула второй палец.

— Мужчины часто становятся неуклюжими, когда им нравится девушка. А остальных он приглашал, чтобы ты ревновала, — рассудила она. — Хотя нет, он и правда ветреный. Тогда граф Тэвиш Оррен. Он вдовец, но ему всего тридцать пять. Серьезный мужчина. У него две чудесные дочки, а ты любишь детей. И ещё он собирает старинные книги. Представляешь, как вам будет хорошо вместе? Ему как раз нужна жена, которая подарит наследника.

Послышался звук бокала, который встал на стол так, словно поставил точку в разговоре. Слишком громкий, слишком отчетливый, словно говорящий: “Нет!”.

Я посмотрела на руку Астара. Нет, мне не показалось.

Брат почувствовал мой взгляд и наконец поднял глаза.

Всё, что я успела проглотить за ужином, тяжело перевернулось в желудке.

Он смотрел без улыбки. В янтарной радужке дрогнули тонкие золотые прожилки — след драконьей крови, всегда проступавший, когда Астар терял самообладание. Огонь свечей за его плечами раздвоился, и на мгновение мне показалось, будто зрачки у него стали уже, совсем не человеческие.

Я не смогла первой отвести взгляд.

Под платьем нагрелась подвеска. Следы пальцев на запястье заныли, а кожа вокруг них покрылась мурашками. Я вспомнила, как утром он прижал меня к стене. Вспомнила тяжесть его тела, запах дождя от мокрого мундира и дыхание у виска.

От этого воспоминания кровь прилила совсем не туда, куда следовало.

Я крепче сжала нож.

Астар заметил. Конечно, заметил.

Уголок его рта едва шевельнулся, будто он услышал мысль, которой я сама испугалась. Потом брат медленно отвел руку от бокала и взял нож.

Наверное, он просто наслаждался тем, что снова заставил меня смутиться.

С женщинами Астар обращался именно так. Смотрел дольше, чем позволяли приличия. Подходил ближе, чем требовал разговор. Находил одно слово, после которого женщина краснела, путалась и начинала ждать следующего. Ему нравилось не женское сердце — ему нравилась власть над ним.

Сегодня он выбрал удобную мишень за собственным столом.

Только и всего.

Глава 28

— Хотя граф немного скучен, — продолжала Астрей, ни-

чего не замечая. — И он не смог защитить первую жену. Ты же знаешь, она погибла на его глазах... Нет, нам нужен тот, кто сумеет защитить Эву. О! Капитан Рейс Кальдер! Он служит под твоим командованием, Астар. Ты говорил, что ему можно доверять. Он храбрый, воспитанный и так красиво улыбается.

Нож опасно блеснул в пальцах брата.

— Кальдер улыбается каждой женщине, у которой есть пульс, — сообщил Астар, обращаясь только к сестре.

При этом его взгляд медленно опустился к моим губам, словно он проверял, не улыбаюсь ли я тоже.

Я должна была отвернуться.

Вместо этого провела языком по внезапно пересохшей нижней губе и только после этого поняла, что сделала.

Золотые прожилки в глазах Астара вспыхнули ярче.

Астрейя рассмеялась ему в лицо.

— Ты тоже, — беззаботно напомнила она.

Я поспешно опустила голову, пряча одновременно улыбку и жар в щеках. Вилка стукнула о тарелку. От неловкости я прикусила внутреннюю сторону щеки и почувствовала вкус крови.

Повисла короткая тишина.

— Я хотя бы не притворяюсь воспитанным, милая, — наконец отозвался Астар.

В его голосе звучала такая нежность, что угроза почти потерялась. Астрейя снова рассмеялась и потянулась за вином.

Астар подал ей бокал прежде, чем она успела дотронуться до ножки.

Каждое его движение напоминало, что рядом с родной сестрой он умеет быть другим. Внимательным. Заботливым. Почти тёплым.

У меня заныло под грудиной. Я расправила салфетку на коленях, хотя она и без того лежала ровно. Потом сложила её пополам. Потом ещё раз. Лишь бы не видеть, как легко его пальцы касаются пальцев Астреи. Как естественно он замечает каждое её движение и исполняет желание прежде, чем она успевает попросить.

Меня он замечал только тогда, когда хотел причинить боль.

— Тогда предложи кого-нибудь сам, — попросила Астрея. — Ты знаешь половину неженатых мужчин королевства. Должен же среди них найтись тот, кто понравится Эве.

Астар медленно отпил вина. Край бокала прижался к его рту, и я почему-то проследила за этим движением. Вспомнила его губы возле моего уха утром — слишком близко, чтобы не чувствовать их тепло.

Я резко отвела глаза. Щека, которую я прикусила, заболела сильнее.

— Я сам решу, кто станет мужем Эвы, — ответил Астар и поставил бокал точно в середину выцветшего круга на старинной скатерти. — Тебе не нужно об этом беспокоиться.

Моё имя прозвучало холодно. Отчуждённо. Так генерал

называл участок стены, который собирался снести.

Но пальцы, державшие бокал, побелели.

— Можно подумать, она не женщина, а дивизия, — проворчала Астрей. — Ты говоришь так, словно ищешь ей командира. Я считаю, Эва сама должна выбрать того, кто ей понравится. И чувства в этом вопросе первостепенны!

Уголок рта Астара приподнялся.

— Эвелис сама выберет, — согласился он ласково, накрывая ладонью руку сестры. — Из тех, кого выберу я.

Глава 29

Я снова посмотрела на погнутую вилку.

Три имени. Три совершенно разных мужчины. Астар отверг каждого раньше, чем я успела представить себя рядом хотя бы с одним из них. Наверное, он действительно собирался исполнить обещание родителям и лично подобрать мне мужа. Надёжного. Далёкого. Достаточно равнодушного, чтобы забрать меня из Авермонта без лишних вопросов и никогда не привозить обратно.

Так почему от этой мысли внутри стало пусто?

Я положила ладонь на живот, будто могла удержать неприятный холод, расплзавшийся под рёбрами. Цепочка на груди натянулась. Маленькая башня прижалась к коже, и мне вдруг почудилось, что это не подарок, а ошейник, который должен напоминать мне, что я больше не хозяйка собственной судьбы.

Над камином висел портрет родителей. Отец стоял в ге-

неральском мундире, матушка сидела рядом, положив руку на его ладонь. Художник написал их счастливыми и уверенными, что после смерти дети будут заботиться друг о друге.

Я подняла глаза к их лицам. В горле снова встал непроглотенный комок.

Не такую заботу они имели в виду.

— Эва опять побледнела, — встревожилась Астрейя и потянулась через стол к моей руке. — Тебе точно лучше, милая?

Её пальцы почти легли на синяки. Я дёрнулась раньше, чем успела придумать объяснение, повернула запястье и спрятала следы под кружевной манжетой.

Астар увидел.

Его глаза на миг опустились к моей руке. В них не появилось ни раскаяния, ни жалости. Только что-то тяжёлое, тёмное, заставившее меня сильнее натянуть кружево.

— Точно. Просто устала, — заверила я сестру и улыбнулась так широко, что заболели щёки. — Пожалуй, пойду к себе.

Астрейя уже собиралась подняться вместе со мной, но Астар накрыл её ладонь своей.

— Пусть идет. Не надо ее провожать. Она - не маленький ребенок. А ты лучше останься, милая. Тебе ещё нужно выбрать цветы, — напомнил он сестре. Лишь после этого посмотрел на меня. Взгляд прошёлся по лицу, задержался на припухших губах и спустился к цепочке на груди. — Я ду-

маю с таким простым действием Эва справится.

От его голоса по спине прошла дрожь. Не страх — не только страх. Что-то более постыдное и горячее скользнуло вдоль позвоночника, вынуждая крепче сжать край стола.

Он снова играл.

Проверял, насколько близко нужно подойти, как посмотреть, каким тоном произнести моё имя, чтобы я потеряла спокойствие.

Я ненавидела его за то, что он всегда выигрывал.

Мне не требовалось разрешение уйти. И всё-таки именно после этих слов слуга отодвинул моё кресло.

Я попрощалась с Астреей. Астару ничего не сказала. Он тоже промолчал и вернулся к ужину, разрезая мясо так внимательно, словно за весь вечер ни разу не заметил вторую женщину рядом.

Только когда двери столовой закрылись, за спиной раздался ещё один металлический скрип.

До моей комнаты можно было подняться по малой лестнице, но путь через главный холл был короче. Я выбрала его, мечтая поскорее снять цепочку, ослабить корсет и остаться в тишине, где мне не придётся улыбаться за двоих.

В доме уже зажгли вечерние лампы. Их золотой свет отражался в мраморном полу, дрожал на стеклянных дверях и серебрил мокрые после дождя окна. Я пересекла галерею и ступила на верхнюю площадку лестницы, когда парадные двери распахнулись.

В холл ворвался запах дождя, мокрой кожи и горького миндаля.

Глава 30

У меня перехватило дыхание.

Я ещё не видела гостя. Только слышала низкий мужской голос, поблагодаривший слугу, но мое тело уже узнало его. Ладонь обдало теплом. Подушечка большого пальца заколола там, где в неслучившемся будущем её касались губы Гидеона.

Я остановилась, не успев опустить ногу на следующую ступень.

Дворецкий, обычно невозмутимый, замер на полушаге, впуская позднего гостя, а потом поспешил к столовой, чтобы предупредить хозяина о визите.

Герцог Гидеон Эдгардейн стоял на пороге.

Он снял перчатки, отдал их лакею и начал подниматься по лестнице. За ним следовал слуга с серебряным подносом. На подносе лежали коробочки: длинная бархатная, две квадратные, перевязанные золотыми лентами, и одна совсем маленькая — тёмно-синяя.

Мне следовало уйти. Но он меня заметил.

Сделать два шага назад, скрыться за поворотом галереи и позволить дворецкому провести герцога к его невесте. Но правила приличия говорили, что хозяева не должны убегать от гостей. И если так получилось, то обязаны были хотя бы поговорить.

Я стояла, вцепившись в перила. Полированный камень холодила пальцы, а колени слабели с каждой ступенью, которую преодолевал Гидеон.

В зеркале мы впервые встретились в белой гостиной. Там у меня было время подготовиться к его взгляду. Я знала, в какую минуту он повернётся. Знала, что он скажет. Знала даже, как дрогнут уголки его губ, когда он увидит меня.

Сейчас между нами оставалось шесть ступеней.

Пять.

Четыре.

И ничего из происходящего зеркало мне не показывало.

Гидеон поднял голову.

Его шаг сбился.

Всего на мгновение, но этого хватило, чтобы горячая волна поднялась от живота к груди. Он увидел меня. Узнал женщину в окне. И смотрел так, будто все коробки на подносе внезапно предназначались не той сестре.

От этой мысли стало стыдно.

И сладко.

Герцог остановился ступенью ниже, поэтому наши лица оказались почти на одном уровне. Вблизи он выглядел старше, чем в зеркале, и гораздо опаснее.

Дождевые капли ещё блестели в тёмных волосах, зачёсанных назад. Чёрный вечерний сюртук сидел безупречно, подчёркивая стройную, сильную фигуру. От влажного воротника пахло дождём, от него самого исходило тепло, а горький

миндаль в его одеколоне был тем самым запахом, который я уже вдыхала, прижавшись щекой к его груди.

Не сейчас.

В той жизни, которой не будет.

Внизу живота болезненно сжалось. Я выпрямилась, надеясь, что корсет удержит не только талию, но и всё, что происходило внутри.

— Добрый вечер, — произнёс герцог, не сводя с меня глаз.

Его голос прошёлся по коже тёплым дыханием. Именно так он произносил моё имя в зеркале — медленно, с лёгкой хрипотцой, будто пробовал его на вкус.

Я присела в вежливом реверансе. Колени дрогнули, и пришлось крепче ухватиться за юбку, чтобы не коснуться рукой перил.

— И вам добрый вечер, Ваша Светлость, — ответила я, но воздуха хватило только на тихий голос.

Гидеон поднялся ещё на ступень. Теперь нас разделяло расстояние вытянутой руки. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах и опустился к золотому дракону у шеи.

Цепочка вдруг стала тесной.

— Простите за поздний визит. Я привёз подарки для вашей сестры, — объяснил он, указывая на поднос.

Слова вошли точно под рёбра.

Я знала, что услышу их. Повторяла себе весь день, что

Астрейя заслужила счастье, а герцог выбрал её. И всё равно пальцы онемели. Ногти впились в складки юбки, удерживая меня на месте, пока боль расползалась по груди медленно, почти бережно.

— О, Астрейя будет рада, — заверила я. Улыбка натянула губы, как тонкую ткань, готовую порваться. — Она весь день говорит только о вас.

Гидеон улыбнулся, но глаз от меня не отвёл.

Его слуга поднялся ещё на одну ступень. Коробочки тихо сдвинулись на серебряном подносе, и от этого звука меня пробрала дрожь. Я уже знала, за какой из них потянется герцог.

Нет.

Этого не могло произойти.

Глава 31

Гидеон взял маленькую тёмно-синюю коробочку.

Всё внутри оборвалось.

— Откройте. Это для вас, — попросил он и протянул её мне. — Подарок для сестры моей невесты.

Его рука оказалась совсем близко. Чистые сильные пальцы, тонкий серебряный перстень, едва заметная белая полоса шрама возле большого пальца — я помнила каждую подробность. Этой рукой он держал меня за талию во время первого танца. Этой рукой убирал волосы с моей шеи перед поцелуем.

Моё тело помнило то, чего с ним никогда не случалось.

Я не сразу подняла ладони.

— Для меня? — спросила я, и собственный голос показался чужим. — Простите, мне кажется, что это немного лишнее! Извините, но мне пора.

Гидеон словно ждал именно этого удивления. Его улыбка стала заметнее.

— Было бы невежливо приехать с подарками для одной сестры и забыть о другой, — заметил он. — Особенно после того, как мне сказали, что вы себя плохо чувствуете.

Слово «сестры» согрело сильнее, чем должно было. Незнакомый человек признал меня частью семьи так просто, словно в этом никогда не существовало сомнений.

Я понимала, что было бы оскорбительно отказаться от подарка. И протянула руку.

Наши пальцы соприкоснулись.

Коротко. Случайно. Но от прикосновения меня словно дёрнуло изнутри. Жар прошёл по ладони, поднялся к локтю и рассыпался под кожей груди. Я едва не выпустила коробочку. Гидеон успел поддержать её снизу, накрыв мои пальцы своими.

— Осторожно, — произнёс он тише.

Я смотрела на его руку поверх моей и не могла заставить себя отстраниться.

В зеркале всё начиналось так же. С безопасного, почти невинного прикосновения. Потом он не отпускал мою ладонь дольше, чем требовала вежливость. Потом наклонялся.

Потом мои глаза закрывались сами собой.

Я резко забрала коробочку.

Бархат сохранил тепло его ладони. Крышка сидела плотно. Мне пришлось поддеть её ногтем, чувствуя, как герцог следит за каждым движением. Вежливость требовала открыть ее немедленно. И я открыла.

Внутри лежала брошь.

Золотое крыло, осыпанное крошечными рубинами.

Перед глазами потемнело.

Такое же украшение Гидеон застегнул на моём платье на пятый день после помолвки. В зеркале его пальцы касались верхней части моей груди, пока он искал булавку. Костяшки скользнули по коже. Я вздрогнула, а он поднял глаза и улыбнулся, заметив это.

«Теперь у вас есть крыло, — шепнул он, наклоняясь к моему уху. — Но улететь я вам всё равно не позволю».

Я помнила вес броши.

Помнила холод золота сквозь тонкую ткань.

Помнила его дыхание на шее и собственный живот, сжавшийся от этих слов в сладком, пугающем ожидании.

Сейчас брошь лежала у меня на ладони раньше положенного срока до того, как должна была появиться в моей судьбе.

Холл качнулся. Я втянула воздух, но вместо облегчения вдохнула запах Гидеона и снова оказалась в зимнем саду из видения, где его рука лежала на моей талии, а губы были так

близко, что я уже чувствовала их вкус.

— Вам не нравится? — Голос герцога вернул меня в освещённый холл.

Я заставила пальцы сомкнуться вокруг коробочки. Острый край впился в ладонь. Боль помогла вынырнуть.

— Напротив. Она прекрасна, — выдохнула я.

Облегчения на лице Гидеона не появилось. Он продолжал изучать мою реакцию, и от этого внимательного взгляда кожа на шее стала горячеей.

— Тогда почему вы смотрите так, словно я подарил вам ядовитую змею? — спросил он.

В его глазах мелькнула улыбка. Не насмешка — азарт человека, заметившего загадку и уже решившего её разгадать.

— Я просто не ожидала подарка, — солгала я и услышала, как дрогнул голос.

Гидеон приблизился ещё на ступень.

Воздух между нами исчез. Теперь я чувствовала тепло его тела даже сквозь платье и корсет. Нужно было отступить, но позади находились перила. Герцог не касался меня, однако кожа уже ожидала прикосновения: на талии, на запястье, под подбородком. Там, где его руки лежали в другой, неслучившейся жизни.

Я ненавидела зеркало за то, что оно научило меня хотеть мужчину раньше, чем я с ним познакомилась.

Глава 32

— Я слышал, что сегодня утром вы плохо себя чувствова-

ли, — произнёс Гидеон. Его взгляд задержался на моей щеке, будто он видел следы недавних слёз под пудрой. — Надеюсь, сейчас вам лучше.

Слова Астара всплыли в памяти предупреждением: скромность заинтересует, отказ заставит преследовать. Мне требовалась причина, которая остановит мужчину надёжнее плохого платья.

— О, да. Но я вообще не отличаюсь хорошим здоровьем, — призналась я, стараясь придать голосу беззаботность. — Часто болею, устаю и иногда неделями не выхожу из комнаты.

От собственной лжи бросило в жар. Под волосами выступила испарина. Я ждала, что Гидеон вежливо отступит, а в его взгляде появится то разочарование, которое мужчины не умеют скрывать, услышав о больной невесте.

Герцог лишь наклонил голову.

— Значит, вам нужно беречь себя, — заметил он. Его взгляд стал внимательнее. — И не позволять родственникам закрывать шторы, когда вам хочется посмотреть в окно.

Внутри всё застыло.

Он видел не только меня.

Он видел Астара.

Ещё прежде, чем я подняла глаза, кожа на затылке стянулась от знакомого присутствия. Воздух стал плотнее. Боль под манжетой ожила, будто пальцы Астара снова сомкнулись на запястье.

Он стоял на верхней площадке лестницы.

Дворецкий замер у него за спиной, так и не успев объявить о визите. Из открытых дверей столовой лился тёплый свет, обрисовывая широкую фигуру Астара золотой каймой.

Брат смотрел на коробочку в моих руках.

Потом на пальцы герцога, находившиеся слишком близко к моим.

Потом мне в лицо.

Кровь отхлынула от щёк так быстро, что закружилась голова — на этот раз по-настоящему.

От прежнего равнодушия не осталось ничего. Золотые прожилки затопили янтарные глаза. На скулах заходили желваки. Астар выглядел так, словно обнаружил врага внутри уже взятой крепости и теперь решал, разрушить ли стену вместе с ним.

Я поспешно захлопнула коробочку. Крышка прищемила палец, но я почти не почувствовала боли.

— Простите, я не могу принять ваш подарок, хотя мне очень приятно, — произнесла я, протягивая коробочку слуге.

Рука дрожала. Серебряный поднос звякнул, когда бархатное дно коснулось металла. Этот звук разнёсся по холлу слишком громко.

Гидеон нахмурился. Вместо того чтобы дать мне отступить, он положил ладонь на край подноса, и тот остался между нами.

— Почему вы отказались? — спросил герцог, глядя не на подарок, а на меня. — Я вас чем-то оскорбил или обидел?

Астар начал спускаться.

Я не слышала шагов за стуком крови в ушах, но чувствовала каждую преодолённую им ступень. Между лопаток жгло. Подвеска прилипла к влажной коже. Хотелось отойти от Гидеона — и одновременно спрятаться за его плечом от мужчины, который приближался сзади.

— Это будет неправильно по отношению к Астрее. Получить подарок раньше невесты и без ее ведома было бы неправильно, — объяснила я. Пришлось сжать пальцы в кулак, чтобы они не потянулись обратно к коробочке.

Герцог перевёл взгляд на золотого дракона у моей шеи. Потом снова посмотрел мне в глаза.

— Вас ведь зовут Эвелис? — спросил он мягче. Моё имя в его голосе отозвалось щекотным теплом под грудью. — Я видел вас сегодня утром в окне и уже решил, что вы просто не захотели ко мне выходить.

Астар оказался совсем близко.

Жар его тела коснулся моей спины. Не рука, не грудь — только тепло, и всё же плечи сами напряглись, а дыхание застряло между вдохом и выдохом. Я почувствовала его запах: сандал, чистая кожа, едва уловимый дым. Совсем другой, чем у Гидеона. Знакомый до обиды.

Один мужчина стоял передо мной и смотрел так, будто хотел узнать.

Другой — за спиной, будто уже знал обо мне всё самое постыдное.

— Я не... — начала я, не понимая, какую из приготовленных Астаром лжей выбрать.

Ни одна не успела сорваться с губ.

— Она просто разволновалась. Ее жених очень ревнив, поэтому она не принимает подарки от посторонних мужчин!

Голос Астара прозвучал над моим плечом.

От неожиданности я вздрогнула и почти прижалась к нему спиной. Почти — но успела сделать шаг в сторону. Воздух обжёг то место, где секунду назад ощущалось его тепло.

Я вскинула брови, но тут же опустила глаза, спрятав потрясение за учтивой улыбкой.

До этой секунды я тоже не знала, что у меня есть жених.

Глава 33

Гидеон посмотрел на Астара так, словно не сразу понял смысл сказанного. Потом его взгляд вернулся ко мне — к пустому безымянному пальцу, к цепочке с золотым драконом, к лицу, на котором я уже не могла удержать ни одной убедительной лжи.

— Мне не сказали, что госпожа Эвелис уже помолвлена, — произнёс он наконец. Удивление в его голосе быстро уступило холодной учтивости. — Иначе этой неловкости не произошло бы.

Мне захотелось объяснить, что никакой помолвки нет.

Но вместо этого скромно кивнула, подтверждая ложь бра-

та.

Губы уже разомкнулись, но Астар подошёл ближе, и невысказанные слова застряли в горле.

Герцог заметил. Его глаза на мгновение сузились, однако спрашивать он не стал. Вместо этого улыбнулся мне — спокойно, почти тепло, будто мы оставались вдвоём на лестнице, а не стояли между его будущей невестой и мужчиной, который только что распорядился моей судьбой.

— Мне жаль, что я поставил вас в такое положение. Ещё раз прошу простить меня, — произнёс Гидеон.

От мягкости его голоса стало только больнее. Я сжала складки юбки, не позволяя себе посмотреть на тёмно-синюю коробочку, лежавшую на серебряном подносе.

Брошь снова оказалась рядом с остальными подарками, но ладонь всё ещё хранила её вес и короткое прикосновение пальцев Гидеона.

— Вам не за что извиняться, Ваша Светлость. Вы не могли знать, — заставила я себя ответить. — О помолвке не было объявлено.

Улыбка Астара стала тоньше. Он посмотрел на коробочку так, словно уже мысленно бросил её в огонь.

— Так что вам выпала честь узнать об этом первому. Надеюсь, вы сумеете сохранить секрет.

Герцог перевёл на него взгляд. Воздух между мужчинами словно стал плотнее. Гидеон всё ещё стоял на ступень ниже, но почему-то мне показалось, что ни один из них не собира-

ется уступать другому даже эту малость.

Из столовой донёсся голос Астреи. Она спрашивала дворецкого, кто приехал, и в каждом звуке уже дрожала счастливая догадка.

Астар первым разорвал молчание. На его лице появилась безупречно вежливая улыбка хозяина дома.

— Невеста ждёт вас в столовой, Ваша Светлость. Не станем заставлять её волноваться, — предложил он, отступая ровно настолько, чтобы освободить проход. — А я провожу сестру в комнату. Сегодня она действительно плохо себя чувствует.

Последние слова предназначались не Гидеону.

Ладонь Астара легла мне на плечо. Со стороны жест мог показаться заботливым: старший брат поддерживает ослабевшую девушку, пока у неё кружится голова. Но большой палец сразу нашёл мягкое место под ключицей и надавил так, что я едва не вскрикнула.

Я вскинула на него глаза.

Он улыбался герцогу.

— Надеюсь, завтра вам станет лучше, госпожа Эвелис. И мы все сможем наслаждаться вашим обществом, — произнёс Гидеон, но смотрел не на моё лицо, а на руку Астара.

Пальцы на плече сжались сильнее. Боль прострелила шею, спустилась под лопатку. Пришлось выпрямиться и улыбнуться, чтобы никто не заметил, как подогнулись колени.

— Если мне позволят спокойно добраться до постели, к

утру я непременно поправлюсь, — ответила я, стараясь не поморщиться под пальцами Астара.

Гидеон задержался ещё на одно мгновение. Затем всё-таки поднялся мимо нас. Его рукав скользнул совсем близко к моей руке, не коснулся — лишь поднял воздух, пахнувший дождём и горьким миндалем.

Тело отозвалось на этот запах предательской дрожью.

Астар почувствовал её. Я поняла это по тому, как замер его палец под моей ключицей.

Герцог направился к столовой, а слуга последовал за ним с подносом. Коробочки тихо звякнули за моей спиной. Я не обернулась. Не посмела. Только проводила Гидеона глазами в отражении высокого окна.

Он оглянулся первым.

Наши взгляды встретились в тёмном стекле.

Рука Астара резко сдвинулась с плеча на мой затылок.

— Идём, — произнёс он всё с той же учтивой улыбкой.

Глава 34

Я попыталась высвободиться, но пальцы запутались в волосах и заставили сделать шаг. В столовой счастливо рассмеялась Астрея. Её голос прикрыл звук моего резкого вдоха.

Со стороны холла мы ещё могли показаться братом и сестрой. Астар шёл рядом, не повышал голоса, кивал встречным слугам и даже придержал передо мной дверь галереи.

Только ладонь под волосами не позволяла ни замедлиться, ни отступить. Каждый раз, когда я пыталась повернуть

голову, пальцы натягивали пряди у корней.

— Отпусти, — потребовала я сквозь зубы, когда столовая скрылась за поворотом.

Астар даже не повернул головы. Его пальцы лишь сильнее натянули волосы у корней.

— Ты уже показала, что происходит, когда тебя отпускают одну.

Он толкнул меня вперёд. Каблук зацепился за подол, и я едва не упала. Астар поймал меня за талию, прижал к себе на короткое мгновение — жёстко, почти зло. Спина впечаталась в его грудь. Сквозь платье я почувствовала каждую пуговицу камзола и тяжёлый удар его сердца.

Слишком быстрый для человека, который выглядел совершенно спокойным.

Я отшатнулась, но его рука осталась на талии.

Я упёрлась ладонями в его руку, пытаюсь оторвать её от талии.

— Убери руки.

Астар не подчинился. Напротив, его большой палец медленно сдвинулся по корсету, будто он проверял, насколько отчётливо я ощущаю прикосновение.

— Скажи это ещё раз тем голосом, которым разговаривала с ним. Возможно, я растрогаюсь.

Жар его дыхания коснулся уха. Меня передёрнуло — от злости, страха и того отвратительного ощущения, которое каждый раз возникало, когда он подходил слишком близко и

заставлял тело чувствовать то, чего я не желала чувствовать.

Я знала эту игру. Астар проделывал такое с женщинами постоянно. Сокращал расстояние, смотрел на них так, будто уже раздел их, находил одно движение или слово, от которого они теряли уверенность, а потом наслаждался произведённым впечатлением. Если сейчас его пальцы сильнее впились в мою талию, то лишь потому, что он хотел унижить.

Я от души наступила Астаре на ногу каблуком.

Он тихо выругался и на мгновение ослабил хватку. Этого хватило, чтобы вырваться и отступить к стене.

— Если ты продолжишь тащить меня по дому, слуги заметят, — предупредила я, поправляя съехавший рукав. Под пальцами уже наливалась болью кожа. — А потом расскажут Астрее.

Упоминание сестры подействовало лучше сопротивления. Лицо Астара стало неподвижным.

— Тогда не заставляй меня тащить тебя.

Он распахнул дверь моей спальни и коротким движением указал внутрь.

Мне следовало отказаться. Позвать горничную, спуститься обратно к Астрее, сделать что угодно, лишь бы не остаться с ним наедине. Но из дальнего конца галереи донеслись шаги слуги, и я вошла, не желая устраивать сцену на глазах у всего дома.

Астар последовал за мной.

Дверь закрылась.

Ключ повернулся в замке.

Глава 35

Щелчок прозвучал тише голосов, доносившихся снизу, но именно от него по спине прошёл холод.

Я отступила к туалетному столику. В зеркале напротив отразилось моё лицо: слишком бледное, с размазанной возле ресниц тушью и красным пятном на щеке. Позади возвышался Астар. Чёрный камзол делал его плечи ещё шире, а золотые прожилки в глазах горели так ярко, будто под человеческой кожей уже просыпался дракон.

Он вытащил ключ и положил в карман.

— Это что сейчас было? — с яростью в приглушенном голосе спросил Астар.

Я прижала к груди ладонь, которую несколько минут назад держал Гидеон. Ошибка. Взгляд Астара немедленно опустился к моим пальцам.

— Поздний визит герцога к своей невесте, — ответила я, пряча руку в складках юбки. — Ты сам отправил его к Астрее.

На лице Астара ничего не изменилось, но в глазах прибавилось золота.

— Не притворяйся глупее, чем ты есть. У тебя плохо получается. К тому же, я знаю тебя не первый день!

Он двинулся ко мне. Не быстро — Астар никогда не спешил, если знал, что выход заперт. Мне пришлось обойти стул, чтобы сохранить между нами хотя бы несколько шагов.

— Ты нарочно пошла через холл и задержалась там? Отвечай!— потребовал он, но я промолчала. — Хотела, чтобы герцог увидел тебя?

У меня заныло плечо под съехавшим рукавом. Я провела по нему ладонью, вспоминая, как Астар улыбался, пока причинял боль.

— Перестань выдумывать чепуху! Откуда я знала, что он приедет? Я что? Ясновидящая? Откуда я знала, что Гидеон приедет еще и вечером?

Он приблизился ещё на шаг, заставляя меня отступить вместе со стулом.

— Ты надеялась на это. Иначе бы направилась в комнату другим путем! — резко произнес Астар.

— Я, если ты не заметил, всегда хожу через холл! Так ближе! — ни капельки не солгала я. — Можешь спросить у кого угодно из слуг!

— Да, но, когда ты увидела, не ушла. Ты остановилась! — глаза Астара сузились.

Его голос оставался ровным. От этого обвинение звучало страшнее. Я упёрлась ладонью в спинку стула. Тонкое дерево жалобно скрипнуло.

— Знаешь, не совсем вежливо хозяевам убегать при виде гостя! Он может расценить это как личное оскорбление! — напомнила я о правилах приличия. — Об этом говорят правила приличия.

Ладонь Астара легла на резную спинку между нами. Де-

рево жалобно хрустнуло под его пальцами.

— Ты могла просто сделать вид, что не заметила! И пройти мимо.

Злость наконец оказалась сильнее желания отступить. Я вскинула подбородок.

— Могла. Но не обязана была угадывать, что ты уже составил для меня новый маршрут и переписал правила поведения!

Астар остановился с другой стороны стула. Между нами осталась резная спинка — жалкая деревянная преграда, которую он мог переломить одной рукой.

— Не пытайся сделать вид, что дело в лестнице. Ты стояла и ждала, пока он поднимется к тебе. Смотрела на него так, будто в холле больше никого не существовало.

Стыд обжёг шею. Я вспомнила сбившийся шаг Гидеона, его взгляд и сладкую, невозможную мысль, что подарки могли предназначаться мне. Астар видел всё.

— Я растерялась. Зеркало не показывало этой встречи.

Астар обошёл стул. Теперь резная спинка больше не защищала меня.

— Зеркало не заставляло тебя брать подарок, — в его голосе слышалось что-то вкрадчивое и злое.

Я двинулась к двери, но Астар поймал меня за запястье. Именно за ту руку. Его большой палец медленно провёл по коже там, где совсем недавно лежали пальцы Гидеона.

Движение получилось слишком неторопливым для нака-

зания.

Слишком внимательным.

Я попыталась выдернуть руку, и хватка тут же стала болезненной.

— Если бы я не вмешался, ты так и приняла бы эту брошь?

— спросил он.

Сдавленное запястье ныло, однако я заставила пальцы разжаться, показывая пустую ладонь.

— Нет. Я отказалась от нее. И когда уже возвращала её, когда ты подошёл.

Его большой палец снова провёл по коже, точно стирая невидимый след.

— После того как ты подержала её в руках. После того как позволила ему накрыть твою ладонь своей.

Я дёрнула рукой, но он не отпустил.

— Я чуть не уронила коробочку! Не надо приписывать того, чего не было!

Хватка стала твёрже. Астар поднял мои пальцы почти к своему лицу.

— Потому что он коснулся тебя!

Последние слова Астар произнёс почти шёпотом. Золотые прожилки в его глазах вспыхнули ярче. Он поднял мою руку между нами и посмотрел на неё так, словно прикосновение Гидеона оставило видимую метку.

— Ты дрожала ещё до того, как он до тебя дотронулся, — напомнил Астар.

Тело предало меня даже теперь: пульс зачастил под его большим пальцем. Я ненавидела эту правду и выбрала единственную безопасную ложь.

— Я испугалась. Испугалась будущего. Испугалась, что сделаю что-то не так!

Уголок его рта дёрнулся, но в этой улыбке не было ничего весёлого.

— Я умею отличать страх от желания, Эвелис.

Глава 36

У меня пересохло во рту. Хотелось ответить резко, ударить его по самоуверенному лицу, заставить замолчать.

Вместо этого я слишком отчётливо чувствовала палец, гладивший внутреннюю сторону запястья, и ненавидела себя за то, что пульс бился прямо под его прикосновением.

Конечно, он чувствовал.

Астар всегда знал, как заставить женщину выдать себя. Для него не существовало чужого смущения, в которое он не захотел бы не растоптал грязными сапогами. Сейчас ему было мало обвинить меня перед герцогом. Он хотел заставить признаться в том, что я сама считала постыдным.

— Тебе-то какое дело, чего я хотела? — Я всё-таки выдернула руку и прижала её к животу. — Я отказалась от Гидеона ради Астреи. Не вышла на смотрины. Солгала ей. Позволила тебе запретить меня. Что ещё ты собираешься потребовать, чтобы наконец поверить?

На имени герцога лицо Астара изменилось. Совсем

немного. Исчезла кривая улыбка, придававшая его ярости сходство с привычной игрой. Осталось нечто слишком настоящее.

— Для начала перестань называть его Гидеоном.

Запрет оказался настолько нелепым, что я на мгновение забыла испугаться.

— А как мне его называть? Он представился.

Астар сократил расстояние, и мне пришлось запрокинуть голову.

— Для тебя он — герцог Эдгардейн. Жених твоей сестры. Мужчина, к которому ты больше не подойдёшь ближе, чем на десять шагов.

Я невольно рассмеялась. Звук получился нервным и чужим.

— Может быть, ты прикажешь расставить по дому мерные столбики? Так мне будет проще не ошибиться.

Астар не улыбнулся.

— Прикажу, если понадобится.

Он отвернулся и прошёл к окну. Потом обратно к двери. Четыре шага в одну сторону, четыре в другую. Генерал осматривал комнату, словно перед ним лежал план крепости, а я была слабым участком стены, который следовало немедленно укрепить.

Снизу донеслась музыка. Кто-то открыл крышку фортепиано, и Астрея взяла первые ноты знакомой баллады. Почти сразу послышался низкий голос герцога. Я не разобрала

слов, но сердце всё равно болезненно потянулось к звуку.

Астар заметил, как я повернула голову к двери.

Он остановился.

— Значит, так, — произнёс он с внезапным спокойствием. — С этого мгновения ты помолвлена. На любой вопрос у тебя один ответ: у тебя есть жених. Ни имён, ни объяснений. Ты помолвлена. Точка.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, не ослышалась ли.

— Хорошо. Я поняла. Буду говорить, что как бы помолвлена.

Астар оказался рядом прежде, чем я успела отступить. Пальцы легли под подбородок и подняли моё лицо.

— Не «как бы». Ты помолвлена.

Слова ударили сильнее, чем его рука. Я перестала чувствовать пол под ногами и схватилась за край столика. Флакон духов качнулся, стукнулся о шкатулку, но не упал.

Он действительно выбрал мне мужа.

Не собирался выбирать. Не раздумывал. Уже выбрал — пока я сидела за столом и слушала, как Астрея перечисляет мужчин, которых я могла бы полюбить.

Перед глазами промелькнули лица: пожилой граф с влажными губами, командир Астара, привыкший разговаривать с женщинами как с солдатами, разорившийся виконт, которому требовалось моё приданое, хотя с виду и не скажешь, что его семья уже разорена. Астар мог договориться с любым. Мог пообещать деньги, земли, должность — и отдать меня

человеку, которого я никогда не видела.

От ужаса свело пальцы.

А потом сквозь него пробилось другое чувство. Крошечное. Постыдное. Такое хрупкое, что я не сразу посмела называть его радостью.

Я уеду.

Какой бы дом ни выбрал для меня Астар, он будет не этим. Я больше не стану просыпаться, прислушиваясь, вернулся ли брат с войны. Не буду вздрагивать от его шагов в коридоре и ненавидеть себя за то, что узнаю их среди десятков других. Между нами появятся города, дороги, чужая фамилия и мужчина, которому Астар сам передаст право распоряжаться моей жизнью.

Это тоже походило на клетку.

Но дверца нынешней клетки наконец открывалась.

Я не заметила, что улыбнулась.

Астар заметил.

Его пальцы соскользнули с подбородка на шею. Большой палец лёг на цепочку, натянул её, заставляя золотого дракона подняться из выреза платья.

— Ты рада? — произнёс он медленно.

Глава 37

Улыбка исчезла. Я сглотнула и почувствовала движение металла под его пальцем.

— Да. Я рада. Я рада любой возможности покинуть этот дом. Пусть даже это будет несчастливый брак.

Его взгляд опустился к дрогнувшим уголкам моих губ. Ни одна перемена на моём лице не могла от него укрыться.

— Я не сомневался, что услышу от тебя что-то подобное.

Он понял слишком точно. От этого стало страшнее, чем от возможного жениха.

— А разве не этого ты хотел? — спросила я. — Ты двадцать один год напоминаешь, что я чужая. Теперь сможешь наконец избавиться от меня.

Цепочка впиалась в затылок. Астар притянул меня за неё на полшага ближе. Золотой дракон зажался между его пальцами и моей кожей.

— Избавиться? — повторил он так тихо, что музыка внизу почти заглушила слово. — Ты решила, что я отдам тебя первому мужчине, который сумеет увезти тебя подальше?

Цепочка резала шею, а его спокойствие пугало сильнее прежней ярости. Я ударила Астара по руке, освобождая подвеску.

— Я не знаю, кому ты меня пообещал! Я не знаю даже имени своего жениха.

Астар опустил взгляд на мою ладонь. Затем перехватил её и медленно разжал пальцы. На коже остался красный след от звеньев цепочки.

— Имя ты знаешь.

В груди что-то тревожно дрогнуло. Значит, это кто-то знакомый... Или чье имя на слуху.

— Герцогу имя не обязательно знать. Достаточно того, что

ты уже помолвлена.

— У меня даже нет помолвочного кольца, — напомнила я, глядя на пустой безымянный палец. — К тому же о помолвке объявляют. Приглашают гостей. Обычно о ней знает вся округа, а не один разгневанный генерал.

Астар проследил за моим взглядом. Затем посмотрел на золотого дракона, всё ещё лежавшего между моих пальцев.

— Я хотела знать, за кого выхожу!

Астар взял со столика лист бумаги, предназначенный для писем, и позвонил в колокольчик. Один раз. Коротко. В этом доме ему не приходилось звонить дважды.

Я смотрела на него, не в силах поверить, что он собирается делать это сейчас. Внизу герцог слушал игру Астреи. Дом ещё праздновал одну будущую помолвку, а Астар уже назначал другую.

— Я не считаю нужным тебе это сообщать, — сообщил он, проверяя острие пера. — Для тебя и герцога это пока совершенно не важная информация.

От его деловитого спокойствия к горлу подступила тошнота. Он уже распределял мою жизнь по часам, как военную операцию.

— А если он спросит?! — настаивала я.

Он положил перо, так и не коснувшись чернил, и посмотрел на меня. Я впервые увидела в его лице не ярость, а решение. То самое, после которого крепости переставали существовать, даже если их стены ещё стояли.

Астар приблизился. Его ладонь легла на дверь рядом с моей головой, отрезая последний свободный шаг. Другой рукой он коснулся золотого дракона у меня на груди.

— Если спросит, я сам отвечу на вопрос. Тебе не обязательно даже открывать рот.

Он резко встал и вышел из комнаты, оставив меня одну с противоречивыми чувствами. Я радовалась, то покину этот дом. И боялась, что там будет еще хуже.

К окну я больше не подходила. Шторы не открывала. Даже когда слышала шум отъезжающей кареты.

Только я прилегла на кровать, как вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась сияющая от счастья Астрея.

Глава 38

— Гляди, сколько всего! — Астрея захлопнула дверь пятой и, не дожидаясь приглашения, высыпала на мою кровать целую россыпь коробочек.

Шёлк покрывала исчез под тёмно-синим бархатом, перламутром и золотыми лентами. Астрея сияла ярче всех драгоценностей разом. Щёки порозовели, глаза блестели, а улыбка то и дело становилась такой широкой, что ей приходилось прикусывать нижнюю губу, чтобы не рассмеяться без причины.

Я смотрела на неё и пыталась улыбаться так же.

Почти получилось.

Пока среди коробочек не мелькнула одна — маленькая, тёмно-синяя, с примятой на уголке лентой.

Та самая.

Я узнала её раньше, чем успела рассмотреть. Ладонь сразу вспомнила вес бархата, кожа — прикосновение Гидеона, а грудь болезненно сжалась там, где в другой жизни лежало золотое крыло.

Я поспешно отвела взгляд.

Астрея уже открыла длинный футляр и приложила к ушам рубиновые серьги. Камни дрожали у её шеи, ловили свет свечей и разбрасывали по коже красные искры.

— Тебе нравится? — Она повернула голову сначала вправо, потом влево, любуясь своим отражением в зеркале над туалетным столиком.

Красные блики скользнули по стене и легли на мои пальцы, будто капли крови. Я спрятала ладонь в складках юбки.

— Они великолепные, — ответила я и сжала пальцы на юбке, чтобы не выдать дрожь.

Комплимент заставил Астрею просить ещё ярче. Она качнула головой, прислушиваясь к тихому звону камней.

— И я так думаю! Хотя Астар заявил, что рубины слишком вызывающие. — фыркнула сестра. Астрея закатила глаза и с тихим смехом опустилась рядом со мной. Матрас качнулся, коробочки подпрыгнули.

— Можно подумать, герцог выбирал украшения для него, — добавила она, усмехнувшись.

Она перебирала содержимое коробочек. Я перебирала в голове всех возможных женихов.

Пожилой граф с влажными губами. Командир, который однажды на моих глазах приказал высечь конюха за нечищенуюпряжку. Разорившийся виконт, слишком часто бывавший в игорных домах. Кто-нибудь из людей Астара, обязанный ему жизнью и готовый принять меня вместе с приданным, как награду за службу.

«Имя ты знаешь».

Значит, я встречала этого мужчину. Сидела с ним за одним столом. Возможно, танцевала. Возможно, улыбалась, не подозревая, что Астар когда-нибудь отдаст ему право ложиться со мной рядом в кровать.

Под рёбрами холодно и тяжело ворочался страх.

И всё же за ним пряталось постыдное облегчение.

Я уеду.

Эта мысль была похожа на щель под запертой дверью. Слишком узкую, чтобы выбраться, но из неё тянуло воздухом.

— Эвелис, ты меня совсем не слушаешь. — Тёплые пальцы Астреи коснулись моего лба, и я вздрогнула. Сестра тут же нахмурилась. — Тебе опять хуже? Ты бледная.

Я поймала её руку прежде, чем она успела проверить мой пульс. Забота сестры причиняла почти такую же боль, как её подарки.

— Просто устала, — солгала я, осторожно убирая её руку. На запястье всё ещё темнели следы пальцев Астара, и я спрятала их в складках юбки. — Столько впечатлений за один

вечер.

Её тревога сразу смягчилась. Астрейя придвинулась ближе, согревая моё плечо своим.

— Конечно! Сначала тебе нездоровилось, потом герцог приехал без предупреждения. — Астрейя ласково погладила меня по плечу. — Астар не должен был так грубо тебя уводить. Я скажу ему.

От одного представления, как она спрашивает брата, зачем он причинил мне боль, во рту появился металлический привкус.

— Не нужно. Он испугался, что я упаду на глазах у гостя. Ты же знаешь Астара. Когда он заботится о семье, это больше похоже на нападение.

Последнее слово вырвалось раньше, чем я успела его удержать. Астрейя улыбнулась, приняв его за шутку, и снова потянулась к подаркам.

Семья.

Для неё это слово всегда означало нас троих.

Для Астара — только их двоих.

Глава 39

Я заставила себя расправить плечи. Сегодня Астрейя была счастлива. Я сама отдала ей это счастье и не позволю брату отравить его даже через меня.

— Расскажи лучше о герцоге, — попросила я, и голос почти не дрогнул. — Как прошёл вечер?

Этого оказалось достаточно. Астрейя вспыхнула и прижала

к груди раскрытый футляр.

— Он удивительный! — Она зашептала, хотя в комнате, кроме нас, никого не было. — Совсем не такой надменный, как о нём говорят. Он спрашивал, что я люблю, где мы проводили лето, умею ли ездить верхом. Представляешь, он помнит название моей любимой книги! Я упомянула её всего один раз, во время смотрин.

Каждое слово ложилось точно на то место, которое уже болело.

В зеркале Гидеон тоже помнил всё, сказанное мной невзначай. Любимый цвет. Название книги. Дорожку в саду, по которой я любила гулять. Тогда мне казалось, что человек не может быть опасен, если слушает так внимательно.

Я видела, как его пальцы переплетаются с моими.

Чувствовала его первый поцелуй.

Знала, как звучит его голос, когда он называет меня своей невестой.

Теперь этим голосом он говорил с Астреей.

— Я рада, — произнесла я и провела языком по пересохшим губам. — Правда рада за тебя.

Астрейя замерла. Восторг на её лице сменился такой нежностью, что мне стало стыдно за каждую мысль о чужих прикосновениях.

— Я знаю. — Она положила голову мне на плечо. Серьги в её руке тихо звякнули друг о друга. — Но мне неловко радоваться, когда Астар уже успел найти тебе какого-то жени-

ха и даже не сказал кого.

Моё сердце споткнулось.

— Ты слышала?

Вопрос вышел сиплым. Я провела пальцем по краю ближайшего футляра, лишь бы не смотреть сестре в глаза.

— Полдома слышало, как он объявил герцогу о твоей помолвке. — Астрейя приподнялась и всмотрелась в моё лицо.

— Я решила, что ты знаешь. Разве нет?

Я покачала головой. Движение отозвалось тяжестью в висках.

— Астар сказал только, что имя мне знакомо.

Астрейя задумчиво прикусила губу. Потом её лицо прояснилось, словно она и здесь нашла повод для надежды.

— Тогда это наверняка кто-нибудь из его офицеров. — Астрейя принялась загибать пальцы. — Майор Ландер слишком стар. Полковник Рейд красивый, но я слышала, что он ужасно ревнив. Ещё есть маркиз Стон, только он скучный и говорит исключительно о лошадях. Нет, я не позволю Астаре выдать тебя за человека, с которым нельзя разговаривать ни о чём, кроме конюшен.

Она рассуждала с таким серьёзным видом, словно могла остановить решение брата, просто вычеркнув неподходящие имена. От нежности сдавило горло.

— Может быть, жених ещё не согласился, — сказала я, позволяя себе эту крошечную надежду.

Надежда прожила ровно до тех пор, пока сестра не пока-

чала головой.

— На предложение Астара мужчины обычно соглашались. — Астрей поморщилась. — Особенно если понимают, что отказ он тоже сочтёт ответом, но не обязательно правильным.

Я невесело усмехнулась. В этом был весь Астар. Он не спрашивал, откроют ли ему ворота. Он лишь давал крепости возможность не пережить осаду.

Глава 40

Астрей схватила следующую коробочку. Тёмно-синюю. Воздух застрял у меня в горле.

— Не эту, — вырвалось слишком быстро.

Её пальцы замерли на крышке.

— Почему?

Она уже тянула ленту на себя. Я накрыла коробочку ладонью, но пальцы оказались холодными и непослушными.

— Я... — Пришлось вдохнуть, хотя грудь сопротивлялась. — Ты ещё не показала браслет. Вон тот, с жемчугом.

Астрей посмотрела на меня с весёлым подозрением. Под моей ладонью бархат словно нагревался.

— Браслет никуда не убежит. А эту коробочку я даже не открывала. — Астрей потянула за примятую ленту. — Странно. Остальные перевязаны золотом.

Шёлк легко скользнул с бархата.

Крышка поднялась.

Рубины вспыхнули, будто золотое крыло только что вы-

нули из огня.

У меня заболела ладонь. Именно туда лёг взгляд Гидеона, когда он предложил подарок. Именно там остался жар его пальцев.

— Какая красота... — выдохнула Астрейя.

На одно безумное мгновение я захотела, чтобы она закрыла коробочку. Спрятала её. Унесла вместе со своим будущим, чтобы в моей комнате не осталось ничего, принадлежавшего той жизни.

Вместо этого сестра вынула брошь и приложила к своему платью.

Золотое крыло вспыхнуло на голубом шёлке. Я смотрела на него и ждала боли.

Она пришла.

Но следом пришло облегчение.

Вот так правильно. Украшение принадлежит невесте Гидеона. Его пальцы застегнут булавку у груди Астреи. Его губы коснутся её виска. Через семь дней она останется дома, живая, счастливая, окружённая заботой.

А я выйду замуж за человека, имя которого Астар пока считал излишней для меня подробностью.

Так правильно.

Так должно быть.

— Нет. — Астрейя вдруг сняла брошь. — Мне совсем не идёт.

Она положила крыло на ладонь и, сощурившись, сравнила

рубины с моим тёмным платьем.

— Идёт, — возразила я поспешно. — Очень идёт. Рубины подходят к серьгам.

Я даже подтолкнула к ней раскрытый футляр с серьгами, но Астрея отвела мою руку.

— Слишком много красного. Я похожа на праздничный пирог. — Она повернулась ко мне, и в её глазах появилось знакомое упрямство. — А вот тебе будет прекрасно. Тем более, что я сразу решила, что какие-то украшения подарю тебе.

Я отшатнулась, когда она потянулась к моему вороту.

— Не надо. Это... это же подарки твоего жениха!

Я перехватила её запястье, однако не решилась стиснуть. Астрея легко высвободилась из моей слабой хватки.

— Это всего лишь брошь, Эвелис. Я не собираюсь прокалывать тебя насквозь. — Астрея рассмеялась и, пользуясь моим замешательством, приложила крыло к платью. — Видишь? Я была права. Так что пусть будет твоей! И вот еще браслетик.

Золото коснулось ткани над грудью.

И мир на мгновение исчез.

Я снова стояла в зимнем саду из видения. Пальцы Гидеона медленно искали застёжку. Костяшки касались обнажённой кожи. Его дыхание согревало шею.

«Теперь у вас есть крыло. Но улететь я вам всё равно не позволю».

Булавка щёлкнула.

Я вздрогнула так сильно, что Астрейя едва не уколола меня.

— Тише ты! — Она придержала меня за плечо и отстранилась, любуясь результатом. — Ну вот. Я же говорила. Она словно для тебя сделана.

Словно для меня.

Глава 41

Я не могла отвести глаз от золотого крыла. Оно лежало точно там же, имело тот же вес и холодило кожу сквозь ткань. Судьба, которую я отвернула от себя, вернулась в мою комнату в руках той, ради кого я от неё отказалась.

— Сними, — попросила я, но голос сорвался. — Это будет некрасиво в глазах герцога. Он подарил подарок... А ты взяла его и передарила!

Астрейя ничего не заметила. Она уже открывала следующий футляр.

— Оставь себе. У меня и без неё столько всего, что я не надену половину за всю жизнь.

Она потянулась к жемчужному браслету, будто судьба уже была решена и золотое крыло действительно принадлежало мне.

— Это подарок герцога тебе. Я не могу его взять.

Астрейя только повела плечом. Рубины на моём платье дрогнули вместе с дыханием.

— Тогда не бери. Просто примерь. — Она бросила на меня лукавый взгляд. — К тому же он хотел подарить её тебе

первым. Значит, выбрал именно для тебя.

Стыд обжёг лицо.

— Ты знаешь?

Я невольно накрыла брошь ладонью. Острые грани камней вдавились в кожу.

— Он сам рассказал. — В голосе Астреи не было ни обиды, ни подозрения. Только счастливая снисходительность женщины, уверенной, что её любят. — Сказал, что хотел порадовать заболевшую сестру своей будущей невесты и не подумал, как это выглядит, учитывая, что она уже помолвлена. Он был ужасно смущён. Такой милый.

Она улыбнулась, а у меня внутри что-то надломилось.

Астрея верила ему.

Верила мне.

Она сидела на моей кровати среди его подарков и не сомневалась ни в одном из нас.

Я накрыла её руку своей.

— Ты будешь счастлива, — произнесла я медленно, заставляя каждое слово пройти через сжатое горло. — Обещаю.

Астрея ответила объятием. От её волос пахло розовой водой и вечерним холодом, принесённым из холла.

— Мы обе будем. — Астрея переплела наши пальцы и стиснула их. — Я поговорю с Астаром. Если он выбрал тебе кого-то страшного, старого или неприятного, я устрою такой скандал, что он пожалеет о возвращении с войны. Ты же зна-

ешь, что я умею!

Я почти рассмеялась. Почти сказала, что Астар не жалеет о взятых крепостях, даже если после них остаётся пепел.

Дверная ручка опустилась.

Глава 42

Астрей обернулась первой. Астар стоял на пороге.

Он уже снял парадный мундир и остался в чёрной рубашке с закатанными до локтей рукавами. На правом предплечье темнел старый шрам, пересекавший выступающие вены. Волосы были влажными у висков, словно он успел умыться, но вода не смыла с лица усталость и то неподвижное напряжение, которое появлялось перед приказом о штурме.

Его взгляд скользнул по рассыпанным коробочкам.

По нашим сцепленным рукам.

И остановился на золотом крыле у меня на груди.

Я почувствовала, как под брошь сжалась грудь, и возненавидела собственное тело за эту быструю, стыдную реакцию на его взгляд.

— Посмотри, какую красоту я подарила сестре! — похвасталась Астрей, показывая на мою грудь. — Мне все равно она не подошла. А ей в самый раз. Ну, скажи, что она красивая?

— Кто? - мертвым голосом спросил Астар, глядя на брошь так, словно я предала его. — Брошь красивая.

— Нет, я не про брошь! Я про нашу сестричку! — нахмурилась Астрей.

— Я видел женщин намного красивее ее, — усмехнулся Астар, не сводя взгляда с броши.

— Опять ты за старое! — Астрей встала, расправляя плечи. — Ты ведешь себя, как маленький ребенок! Уперся и все! Эва, между прочим, тоже наша сестра! И ты не должен об этом забывать. А ты просто игнорируешь ее. Она не заслужила такого обращения, Астар! Если бы здесь были мама и папа, они бы сказали тебе все, что думают по этому поводу.

— Я сам решу, как к кому относиться, — произнес Астар. — К тому же мамы и папы здесь нет.

Золотые прожилки медленно затопили янтарь его глаз. Однако голос, обращенный к Астрее, остался мягким:

— Я пришел сказать, что дворецкий ищет тебя, милая. Герцог оставил письмо, которое велел передать лично в руки.

Радость вспыхнула на лице Астреи так быстро, что она не заметила, как брат продолжал смотреть на мою грудь.

— Письмо? — Астрей вскочила так быстро, что коробочки снова подпрыгнули. Она поцеловала меня в щеку и, подхватив юбки, бросилась к двери. — Я скоро вернусь! Ничего без меня не открывай!

Астар посторонился, пропуская сестру.

Улыбнулся ей. Дождался, пока быстрые шаги стихнут на лестнице.

Потом вошел в комнату и закрыл дверь.

Щёлкнул замок.

Я потянулась к застёжке броши, но Астар оказался рядом раньше. Его пальцы накрыли мои и прижали золотое крыло к груди. Острый край впился в кожу даже сквозь ткань.

— Сними её, — произнёс он тихо, глядя не на украшение, а мне в глаза. Его большой палец медленно прошёл по верхнему краю крыла. — Сейчас. Иначе я сниму сам.

Глава 43

Я накрыла его запястье обеими руками, не позволяя пальцам добраться до застёжки.

— Это подарок Астреи, — выдохнула я. — Она сама сделала её на меня. Спроси у сестры, если не веришь.

Астар даже не посмотрел на мои руки.

Его большой палец продолжал гладить золотое крыло, и от каждого медленного движения рубины царапали ткань. Он делал это почти задумчиво, но челюсти сжал так, что на скулах обозначились желваки.

— Астар, ты слышишь меня? Я не брала у него подарок, — повторила я, пытаясь оттеснить его руку от застёжки.

Мои ногти впились в твёрдую кожу его запястья. Он опустил взгляд, словно только сейчас заметил сопротивление, и уголок рта приподнялся в холодной усмешке.

— Слышу, Эвелис. Просто твоё объяснение ничего не меняет. — Он перехватил золотое крыло двумя пальцами, не обращая внимания на то, как я вцепилась в его запястье.

Он рванул брошь на себя.

Кружево затрещало. Звук получился коротким, отврати-

тельным — так могла бы рваться кожа. Меня дёрнуло вперёд, остриё булавки полоснуло возле ключицы, и я вскрикнула, прижимая ладонь к груди. В руке Астара осталось золотое крыло с клочком моего кружева.

Холодный воздух коснулся обнажившейся кожи. Разорванный вырез пополз ниже, и мне пришлось подхватить его обеими руками.

— Ты с ума сошёл... — прошептала я.

Астар подошёл к окну.

Повернул ручку. Створка распахнулась, впуская в комнату ветер, запах влажного камня и далёкий стук колёс. Пламя свечей пригнулось. Ленты на кровати зашевелились, будто живые.

На одно мгновение брошь блеснула между его пальцами. Рубины вспыхнули красным.

Потом он разжал руку.

Украшение ударилось о наружный карниз, звякнуло и исчезло в темноте.

У меня внутри что-то оборвалось вместе с этим звуком. Я сама отказалась от броши. Не имела на неё права. Не хотела её брать. И всё равно шагнула к окну, словно могла успеть поймать не золото, а память о тех семи днях, которых у меня никогда не будет.

Астар захлопнул створку перед моим лицом.

Затем тщательно отряхнул пальцы. Сначала один раз. Потом второй — будто на коже осталась воспоминание о брош-

ке, а прикосновение смерти.

Я стояла перед ним, прижимая разорванную ткань к груди. Между пальцами виднелась тонкая красная царапина. Она жгла, но ещё сильнее жгло унижение: он порвал моё платье, выбросил подарок Астреи и теперь смотрел на меня так, словно грязной была я.

— Тебе так хочется примазаться к чужому счастью? — Астар повернулся ко мне. Его голос звучал тихо, почти устало, и от этого обвинение ударило сильнее. — Не смогла получить мужчину — решила оставить хотя бы вещь, которую он держал в руках?

Жар хлынул к лицу. Я стиснула кружево сильнее, чувствуя, как обломанная нить режет ладонь.

— Я не хочу ни его вещей, ни чужого счастья. Если тебе станет спокойнее, я вообще перестану выходить из комнаты. — Я отступила, но под коленями уже упирался край кровати. Это была горькая насмешка. Я ждала, что он услышит её. Поймёт, до какого абсурда довёл собственную подозрительность.

Но золотые глаза не дрогнули.

— Будь так любезна, — произнёс Астар. — Избавь меня от необходимости запира́ть тебя каждый раз, когда в доме появляется герцог.

Несколько секунд я не могла вдохнуть.

Он сказал это так буднично, словно попросил не опаздывать к ужину. Комната, в которой я выросла, вдруг стала тес-

нее. Стены приблизились. Замок на двери перестал быть маленьким куском металла — он вырос между мной и всем миром.

Я вспомнила, как двадцать один год Астар повторял, что не считает меня сестрой. Как сегодня объявил герцогу, что я принадлежу неизвестному жениху. Как только что распорол платье за то, что Астрея подарила мне брошь.

Я отдала ему своё счастье.

А ему оказалось мало.

Глава 44

— Ненавижу тебя! — крик вырвался вместе с воздухом. Голос сорвался, стал высоким и незнакомым. — Если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

Астар уже повернулся к двери.

Моя рука сама потянулась к ближайшей коробочке. Хотелось бросить ему в спину хоть что-нибудь. Услышать удар. Заставить его вздрогнуть так же, как вздрагивала рядом с ним я.

Под пальцами оказался футляр с рубиновыми серьгами.

Я замерла.

Это были подарки Астреи. Её первый счастливый вечер. Я не могла разбить его даже ради того, чтобы причинить Астору боль.

Пальцы разжались. Футляр упал на покрывало.

— Я пожертвовала всем, чтобы с ней ничего не случилось! — продолжала я, уже не пытаясь говорить тише. Слезы за-

стилали глаза, но ярость пока была горячее. — Я позволила тебе запереть меня. Отказалась от него. От своего счастья. Солгала Астрее. А ты всё равно обращаешься со мной так, будто я уже убила её!

Ручка двери осталась в его ладони.

Астар медленно обернулся.

— Замолчи. — Его взгляд метнулся к двери, за которой в любой момент могла появиться Астрея.

Предупреждение прозвучало негромко, но я слишком долго молчала, чтобы остановиться.

— Нет! Почему я должна молчать? Чтобы твоей настоящей сестре не пришлось увидеть, какой ты на самом деле? Чтобы она продолжала считать, что ты грубишь мне по старой детской привычке? Ты не ребёнок, Астар! Ты чудовище, которое... — Последние слова я почти выкрикнула ему в лицо.

Он оказался рядом прежде, чем я договорила.

Одна ладонь зажала мне рот. Вторая обхватила поперёк живота и дёрнула назад, прижимая к его телу. Воздух вышибло из лёгких. Спиной я почувствовала твёрдую грудь, рёбра корсета впились в кожу, а затылок оказался под его подбородком.

— Ты можешь не орать? — произнёс он мне на ухо.

От низкого голоса по шее прошла дрожь. Она была слишком похожа не только на страх, и от этого ярость вспыхнула ещё сильнее.

Я замычала в его ладонь, вцепилась ногтями в удерживающую меня руку и попыталась укусить. Кожа пахла мылом, железом и едва уловимым дымом. Зубы скользнули по жёсткой подушечке большого пальца.

Астар не отдёрнул руку.

Наоборот, прижал ладонь крепче, запрокидывая мне голову. Его дыхание коснулось виска.

— Кусай сильнее, — прошептал он. — Иначе это выглядит так, будто ты просто ищешь повод подержать мой палец во рту.

Глава 45

От стыда меня обожгло до самых ключиц. Я дёрнулась всем телом, ударила его каблуком по сапогу. Астар только плотнее сжал руку у меня на животе. В этой хватке не было ничего похожего на объятие, но моё тело всё равно чувствовало его целиком: жар груди за спиной, напряжение предплечья под грудью, тяжёлое спокойствие человека, которому не требовалось прикладывать все силы, чтобы удержать меня.

Он наслаждался моей беспомощностью.

Астар всегда умел довести женщину до дрожи, а потом заставить её стыдиться собственной реакции. Я видела это раньше: улыбка, несколько точных слов, слишком близкий наклон — и очередная красавица уже не понимала, унизили её или соблазнили. Сейчас он проделывал то же самое со мной. Не потому, что хотел. Потому что знал: нет более надёжного способа заставить меня почувствовать себя жалкой.

Я перестала кусаться.

Ярость не исчезла. Она просто стала тяжёлой, бессильной и потекла по щекам. Слезы собирались под его ладонью, мочили пальцы. Одна скользнула к подбородку и упала на руку, которой он удерживал меня за живот.

Только тогда хватка ослабла.

Астар отпустил меня так резко, словно обжёгся.

Я отшатнулась к кровати и повернулась к нему спиной. Слезы уже не удавалось остановить. Они текли по лицу, падали на разорванное кружево, и от каждого судорожного вдоха ткань расходилась ещё сильнее.

За спиной послышался короткий шелест.

На покрывало возле моей руки упал белый платок. В уголке темнела вышитая золотом буква «А».

— Вытри лицо, — приказал Астар.

Я не притронулась к платку.

Он подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор. На мгновение его широкое плечо закрыло щель. Я слышала далёкий смех Астреи, её быстрые шаги внизу и шорох письма, которое она, наверное, уже прижимала к груди.

Астар закрыл дверь и снова повернул ключ.

— Она скоро вернётся. — Его взгляд скользнул по моим мокрым щекам и задержался на разорванном платье. — Скажешь, что зацепилась за ручку. Переоденешься. И ни слова Астрее.

Я сжала губы. Солёная влага попала в рот, смешалась с

металлическим привкусом злости.

— С этого дня ты болеешь, — продолжил он. — Сильно. Настолько, что не можешь спускаться к завтраку, принимать гостей и случайно задерживаться в холле. Еду будут приносить сюда. Гулять сможешь после отъезда герцога.

Он перечислял ограничения так же, как отдавал распоряжения перед осадой: спокойно, точно, не оставляя пространства для возражений. Окно. Дверь. Еда. Прогулки. За несколько фраз он превратил мою жизнь в план крепости и перекрыл каждый выход.

— Поняла? — Астар сделал шаг ко мне.

Глава 46

Я схватила его платок и вытерла щёки — не потому, что он приказал, а потому, что из коридора уже доносился голос Астреи. Она что-то спрашивала у служанки и смеялась.

Скомканный батист промок в моих пальцах.

— А ты не думал, что зеркало может лгать? — спросила я.

Астар остановился.

Впервые за весь вечер я попала точно в цель.

Это выдала не перемена в лице — он слишком хорошо владел собой. Но рука, уже потянувшаяся к дверному ключу, замерла. Всего на мгновение. Генералу понадобилось время, чтобы ответить на простой вопрос.

— Нет, — произнёс он наконец. — Зеркало принадлежало нашей семье четыреста лет. Оно никогда не лгало.

Я прижала платок к царапине у ключицы. Белая ткань сра-

зу окрасилась маленьким красным пятном.

— Оно никогда не показывало никому целую жизнь. Твоя мать видела символы. Кольцо, детей, письмо, надгробие. А я увидела людей, услышала голоса, чувствовала прикосновения. Разве это не значит, что со мной зеркало могло поступить иначе? — Я прижала платок к груди, словно могла закрыть им не только царапину, но и всё увиденное.

Астар посмотрел на пятно крови.

— Да, но ... причиной исчезновения Астреи могло быть все, что угодно! Это могло быть не связано с герцогом! Не связано с помолвкой! — спорила я. — Не обязательно она сбежала или что-то с собой сделала. Ее могли похитить...

— Я проанализировал все варианты, которые только возможно. Похититель обычно предъявляет или требование выкупа. Или кольцо на пальце похищенной девушки, — произнес Астар. — Выкуп я бы заплатил. Неравный брак бы сумел расторгнуть. Но ты сама помнишь, что никаких требований не было.

Да, я это помнила.

— Именно поэтому я решил изменить самое главное. Невесту. Если менять все кардинально всю ситуацию, то ее исход будет иным. Вот и все, - пояснил Астар. — И нам не придется гадать, что случилось с бедной Астреей.

Его пальцы едва заметно согнулись, будто он хотел отнять у меня платок и сам проверить рану. Но рука осталась возле ключа.

— А ты просто ищешь причину не верить в то, что тебе не понравилось. — процедил дракон.

Астар всё-таки убрал руку от ключа, но сделал это медленно, словно заранее отказывался от любого довода.

Эта несправедливость помогла мне выпрямиться. Я опустила окровавленный платок, чтобы он видел оставленную им царапину.

— Нет. Это ты ищешь причину поверить именно в худшее обо мне, — выпалила я.

Я встретила его взгляд и не позволила себе отвернуться. Слова повисли между нами. Они были слишком правдивыми, чтобы он мог отмахнуться.

Я сделала шаг вперёд. Колени дрожали после борьбы, разорванное платье приходилось придерживать локтем, но впервые за весь вечер отступил он. Совсем немного — перенёс вес на другую ногу, словно готовился выдержать удар.

— Мы видели, что после моей помолвки исчезла Астрейя, — продолжила я. — Но зеркало не показало, что её исчезновение произошло из-за меня. Мы не видели, куда она ушла. Кто её забрал. Что случилось в тот день. Ты увидел два события и сам связал их между собой. Ее могли похитить...

Золотые прожилки в его глазах вспыхнули ярче.

— Мне достаточно того, что второе случилось после первого. — Его пальцы сомкнулись на дверном ключе, будто на рукояти оружия.

Я вытерла выступившую на царапине кровь и нарочно по-

смотрела на красное пятно, прежде чем встретиться с ним взглядом.

— Для генерала, который просчитывает каждый камень в крепостной стене, это слишком глупый вывод, — бросила я ему.

Я ожидала ярости. Нового рывка. Боли.

Астар тихо рассмеялся.

Смех прозвучал опаснее крика. Он закрыл расстояние одним шагом, и мне пришлось упереться ладонью в его грудь, чтобы разорванный вырез не коснулся чёрной рубашки.

— На войне я могу позволить себе проверить десять версий, Эвелис.

Он накрыл мою ладонь своей и прижал к себе сильнее. Под пальцами размеренно билось его сердце.

— Когда речь идёт об Астрее, мне достаточно одной возможности из сотни. Я разрушу всю крепость, если хотя бы в одном кирпиче спрятана угроза для неё, слышала я его голос.

Его сердце оставалось спокойным. Моё ударились о рёбра так болезненно, что вопрос вышел тише, чем я хотела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.